

человек загадка

Борис
СОКОЛОВ

ВАЛЬКИРИЯ
И БЛУДНИЦА
РЕВОЛЮЦИИ

КОЛЛОНТАЙ

Человек-загадка

Борис Соколов

**Коллонтай. Валькирия
и блудница революции**

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 93/94

Соколов Б. В.

Коллонтай. Валькирия и блудница революции / Б. В. Соколов —
«ВЕЧЕ», 2015 — (Человек-загадка)

ISBN 978-5-4444-1924-3

Среди деятелей революционного движения в России было немного женщин из высшего общества. Что же заставило дочь русского генерала, героя Русско-турецкой войны, примкнуть к революционерам и почему ей доверяли вожди советского государства? Какими тайнами была окутана жизнь первого народного комиссара государственного призрения и автора концепции «Новой женщины»? Как удалось многолетнему представителю советского государства уцелеть в годы репрессий? На эти и многие другие вопросы читатель найдет ответ в предлагаемой книге.

УДК 93/94

ISBN 978-5-4444-1924-3

© Соколов Б. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Предисловие	6
Детство и юность	7
Начало революционного пути	13
В эмиграции	23
Первая мировая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Борис Соколов
Коллонтай. Валькирия
и блудница революции

© Соколов Б.В., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Предисловие

Александра Михайловна Коллонтай была революционеркой по призванию. Дочь весьма состоятельного царского генерала, она была принята в петербургском высшем свете и легко могла найти себе достойного жениха. Тем более что была женщиной красивой и умела сводить мужчин с ума. Однако Александра думала не о замужестве, а о свободе, причем не только для себя, но и для всех женщин и для всего человечества. Можно сказать, что она была одной из первых русских феминисток. И считала революцию вернейшим средством достижения свободы и равноправия. И преданно служила делу революции до самых последних дней, хотя очень скоро поняла, что ни о какой свободе в новом Советском государстве помышлять не приходится. И стала первой женщиной – членом правительства и первой женщиной – послом в истории России. И, несмотря на то что жила в суровое сталинское время, счастливо умерла в своей постели, никаким репрессиям не подвергнувшись. Довелось Коллонтай участвовать и в тайных переговорах, и в оппозициях.

В 1917 году Коллонтай была одной из самых известных женщин русской революции, чему способствовали ее запоминающаяся внешность и неординарный ораторский дар, ее частые выступления на митингах. Можно сказать, что Александра Михайловна стала одним из символом Октябрьской революции, а также, пожалуй, главным символом эмансипации российских женщин после революции. Ее имя, впрочем не вполне справедливо, связывали с теориями «свободной любви» и «стакана воды». Последняя подразумевала, что в коммунистическом обществе удовлетворить свои сексуальные потребности будет так же легко и просто, как выпить стакан воды. Однако на самом деле Коллонтай никогда не отделяла сексуальное от духовного. Для нее секс без любви был буржуазной пошлостью. Александра Михайловна боролась против проституции, которой, по ее убеждению, в новом социалистическом обществе не было места. Но она боролась также и против того, чтобы любовь продавалась и в официальном, законном браке, когда такой брак фактически заключается по расчету. Коллонтай считала необходимым предоставить женщинам равные права с мужчинами во всем, в том числе и в свободном выборе партнеров для брака или свободного сожительства.

Пламенный трибун, Александра Коллонтай вовремя поняла, что ораторы и прометеи революции больше не нужны, сумела перейти на дипломатическую работу. Это обстоятельство во многом спасло ей жизнь в период Большого террора. Она не могла стать таким выдающимся дипломатом, как Талейран, Бисмарк или Горчаков, поскольку не являлась, в отличие от них, ни главой правительства, ни наиболее доверенным человеком в сфере внешней политики со стороны первого лица государства. Однако свою миссию в скандинавских странах она провела вполне успешно и добила ряд частных дипломатических побед, не потерпев в то же время каких-либо значимых дипломатических поражений. Но все же в истории она осталась в первую очередь как революционный трибун и публицист-пропагандист, привлекая на сторону большевиков миллионы российских женщин.

Я попытаюсь рассказать о своей героине без гнева и пристрастия. Только так можно написать биографию, действительно интересную для читателя.

Детство и юность

Александра Михайловна Домонтович (так тогда звали нашу героиню) родилась 19 (31) марта 1872 года в принадлежавшем ее родителям трехэтажном особняке на Средне-Подъяческой улице в Санкт-Петербурге, в дворянской семье. Ее отцом был генерал от инфантерии Михаил Алексеевич Домонтович. Род Домонтовичей происходил от литовского нальшанского князя XIII века Домонта (Довмонта), соперничавшего с великим князем Миндовгом и убившего его в 1263 году. В дальнейшем Домонт бежал в Псков и стал псковским князем. Кстати сказать, супругой Домонта была дочка или внучка Александра Невского. В 1299 году, незадолго до своей смерти, Домонт (в русских источниках Довмонт) разбил ливонских рыцарей. Его сын Давид Гродненский, убитый в 1326 году, был женат на Бируте (Марии) – дочери Великого князя литовского Гедимина. В конце XVI века Русская православная церковь причислила Домонта к лику святых. Впрочем, нельзя исключить, что происхождение дворянского рода Домонтовичей от псковского князя Домонта – всего лишь легенда. Первый достоверно известный предок отца Коллонтай, Иван Михайлович Домонтович, был генеральным судьей Войска Запорожского и на раде в Конотопе 17 июня 1672 года в числе прочих старшин подписал утверждение московским царем в качестве украинского гетмана Ивана Самойловича. Его сын Георгий (Юрий) Иванович Домонтович, родившийся около 1654 года, был прадедом нашей героини. Отец же Коллонтай родился 24 ноября 1830 года в селе Кудровка Сосницкого уезда Черниговской губернии в родовом имении, пожалованном еще Ивану Михайловичу Домонтовичу. Михаил Алексеевич окончил Императорскую военную академию по первому разряду в 1858 году и в дальнейшем служил преимущественно по военно-административной части. 3 декабря 1863 года Михаил Домонтович был назначен помощником начальника Азиатского отделения Главного управления Генерального штаба. В 1864 году он был командирован на Кавказ и находился в составе Пшихского отряда при движении на Хакучинский перевал. После возвращения с Кавказа за составление описания Черниговской губернии отец Коллонтай был принят в действительные члены Русского географического общества. В момент ее рождения он состоял штаб-офицером, заведовавшим офицерами, обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба.

Александра Михайловна вспоминала о своих предках: «Это была старинная семья, и отец очень интересовался генеалогическим деревом. Род Домонтовичей ведет свою родословную от знаменитого князя Довмонта Псковского, княжившего в XIII столетии в Пскове и признанного православной церковью святым Тимофеем Псковским. У псковичей имеется много легенд, песен и сказаний, составленных в честь доблестных походов князя Довмонта на тевтонских рыцарей, и по сказаниям народ его высоко чтит. Мощи святого Довмонта и его победоносный меч хранятся в Пскове... Отец рассказывал: если кто-либо из рода Довмонтович приезжал в Псков, то монахи звонили в его честь во все колокола, и я в детстве очень хотела попасть в Псков, чтобы в мою честь звонили колокола».

В 1876 году генерал-майор Домонтович был назначен правителем канцелярии заведующего гражданской частью при главнокомандующем Дунайской армией, а в 1877 году, во время русско-турецкой войны, – тырновским губернатором в Болгарии. За успешное исправление этой должности Михаил Алексеевич был удостоен ордена Св. Станислава 1-й степени с мечами. В начале февраля 1878 года, после заключения перемирия, Домонтович возвратился в Россию, где был назначен состоящим для особых поручений при главном управлении военно-учебных заведений. Но уже в апреле 1878 года он был возвращен в Болгарию на пост директора Канцелярии и управляющего делами Совета Российской императорской комиссии в Болгарии, занимавшейся организацией управления в новосозданном Болгарском княжестве, фактически

до 1885 года остававшемся под протекторатом России. За заслуги на этом поприще генерал был удостоен ордена Св. Анны 1-й степени.

А уже в 1879 году Домонтович возглавил группу российских военных инструкторов в только что созданной Персидской казачьей бригаде, призванной охранять шаха Насер-эд Дина и иностранные миссии в Тегеране и обеспечивать российское влияние в Персии. В группу под его командованием входили казахи и кавалерийские офицеры, подпрапорщики и вахмистры. Бригада формировалась по образцу терских казачьих частей. Унтер-офицеры в бригаде были русскими, а солдаты-добровольцы набирались из мухаджиров – потомков мусульманских родов, переселившихся с Кавказа во время русско-персидских войн. Это были кочевники – курды, афганцы и туркмены. Домонтович командовал персидской бригадой, которая тогда состояла из двух казачьих полков общей численностью 600 человек, до ноября 1881 года, когда он был назначен сверхштатным членом военно-учебного комитета и председателем военно-исторической комиссии по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Созданием этого труда оказались связаны драматические события.

«После окончания Русско-турецкой войны, – как вспоминал генерал-лейтенант царской, а потом белой армии Александр Сергеевич Лукомский, – написать ее историю было поручено небольшой комиссии под председательством генерала Домонтовича. Составленный и представленный на просмотр старших чинов нашей армии первый том вызвал массу возражений. Указывалось, что многие факты переданы или освещены неверно, что по отношению к еще живым участникам войны допущена совершенно невозможная критика, подрывающая авторитет многих лиц, занимающих крупные посты в армии; что вообще действия высшего командного состава армии и центральных управлений военного министерства представлены в крайне неприглядном, а во многом и неверном освещении; что, наконец, этот труд является не историей, по существу, блестяще проведенной кампании, а самооплевыванием...

Начались нападки на генерала Домонтовича. Последний представил военному министру обширный доклад, в котором давал объяснения на нападки и доказывал, что он и его комиссия должны дать правду, а не писать превратную самовосхваляющую историю, стараясь не обидеть участников войны. В конце концов все это дошло до государя Александра III. Государь признал, что труд генерала Домонтовича в том виде, как он был составлен, не может быть пущен в общее пользование.

Александр III

Его Величество приказал историю Русско-турецкой войны написать заново, положив в основание, что труд должен заключать только правду, но избегать неуместной и резкой критики. Работа генерала Домонтовича света не увидела, и описание войны было поручено комиссии под председательством другого лица. Новое описание войны, по отзывам многих, грешило другим: было официально-казенное, без всяких серьезных выводов и представляло мало интереса...» Однако императору Александру III подобный объективный и критический подход к истории победоносной для русского оружия подход, по всей видимости, понравился, хотя он и признал, что он не может получить широкой огласки, а должен быть известен только узкому кругу высшего руководства армии. Тут сказалось всегданнее русское стремление составлять два варианта описания одних и тех же войн и сражений. Один, объективно-критический, – для узкого круга специалистов, которые попробуют что-то исправить в организации и боевой подготовке вооруженных сил. Другой, парадно-пропагандистский, – для широкой публики. Домонтович был более свободен в своем взгляде на войну 1877–1878 годов, поскольку в ходе нее не отвечал непосредственно за ведение боевых действий. За работу в комиссии он получил орден Св. Владимира 2-й степени, что говорит о том, что император оценил его труд достаточно высоко. 30 августа 1886 года Михаил Алексеевич был произведен в генерал-лейтенанты. Надо отметить, что два выпуска «Особого прибавления к Описанию Русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове» под редакцией генерала Домонтовича все-таки были напечатаны еще при его жизни, в 1899–1900 годах, уже при новом императоре Николае II, но тиражом всего 100 экземпляров и с ограничительным грифом «Не подлежит разглашению».

В 1896 году отца Александры назначили членом Военного совета. С 1897 по 1900 год Домонтович был управляющим кодификационным отделом при Военном совете. В 1898 году он был произведен в генералы от инфантерии.

Скончался Михаил Алексеевич Домонтович 8/20 октября 1902 года в Петербурге и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Мать Александры Коллонтай, Александра Александровна Масалина-Мравинская, была дочерью финского фабриканта, торговавшего лесоматериалами.

Первым мужем Александры Масалиной был военный инженер Константин Иосифович Мравинский (или Мровинский), поляк по национальности. Чтобы развестись с ним, Александре пришлось доказывать, что он «прелюбодействовал». Такого рода слухи о Константине Иосифовиче действительно ходили, так что соответствующая претензия была небеспочвенной. Брак между ее матерью и отцом был заключен перед самым рождением Александры Коллонтай.

Константин Мравинский, родившийся в 1828 году, был участником обороны Петропавловска-Камчатского от англофранцузской эскадры в Крымскую войну и дослужился до чина генерал-майора-инженера. В 1881 году, будучи старшим техником петербургского градоначальства, за обнаружение подкопа народовольцев при осмотре лавки Кобозевых (подкоп с миной был вскрыт уже после убийства Александра II) был судим, разжалован и сослан в Архангельскую губернию. Александра Алексеевна пыталась помочь Константину Мравинскому. Она попросила своего второго мужа, генерала Домонтовича, использовать свои связи. Неизвестно, насколько они помогли, но в итоге по ходатайству дочери Евгении Константин Иосифович был частично помилован и возвращен в Санкт-Петербург, где жил у сына Александра до самой своей смерти в 1923 году.

От первого брака у Александры Алексеевны было трое детей – сын Александр и дочери Адель и Евгения. Сводная сестра Александры, Евгения Константиновна Мравинская, стала известной оперной певицей (лирико-колоратурное сопрано), солисткой Мариинского театра, выступавшей под псевдонимом Евгения Мравина. Евгения пела ведущие партии, среди ее поклонников был и наследник престола, будущий император Николай II. Но в 1900 году она ушла из театра, а в 1906 году вообще прекратила концертную деятельность из-за серьезной

болезни. Евгения Мравинская умерла 12 декабря 1914 года в Ялте в возрасте всего лишь 50 лет. Александра Коллонтай восхищалась ее шармом, музыкальностью и неповторимым тембром голоса.

«Вскоре Женя вышла замуж, – вспоминала Коллонтай. – Не столько по любви, сколько чтобы оградить себя от назойливых поклонников. Муж ее был гвардейский офицер, но начальство предложило ему покинуть полк. Гвардейский офицер не мог быть женат на актрисе».

Муж Евгении Людвиг Лаврентьевич Корибут-Дашкевич в итоге стал преподавателем в Николаевском кавалерийском училище. А сын Александра Мравинского Евгений стал всемирно известным дирижером. «Как младшая в семье, – вспоминала Александра в автобиографии, – и притом единственная дочь отца (мать моя была замужем вторично), я была окружена особой заботой всей нашей многочисленной семьи с ее патриархальными нравами».

А в черновых записях своих мемуаров Александра утверждала: «Я родилась в судьбоносное время, и это имеет свою закономерность. <...> Когда родители задумали мое появление, из Парижа пришли вести о крахе Коммуны и о казни коммунаров. Луиза Мишель несет в массы новое евангелие – коммунизм. Маркс и Энгельс борются против Бакунина, против анархизма, против развала I Интернационала. Юный студент Карл Каутский учится в Вене. Звезда Бисмарка еще на восходе. Вильгельм Либкнехт собирает силы рабочих в Германии, а Карл Либкнехт еще даже не зачат. <...> Дарвин еще жив. Спенсер углубляет аналитику социологии... <...> В России растет движение за освобождение и объединение всех славян – растет вместе с ростом политической реакции, пока еще скрываемой под личиной либерализма. Но уже есть тенденция к “правизне”. Первые русские социалистки “идут в народ”, проповедуя социализм. Эпоха нигилизма закончилась. <...> Плеханов еще даже не студент. Ленину еще нет и трех лет».

С детства Александра отличалась сильным и целеустремленным характером и верила, что предназначение у нее – высокое, хотя еще не знала, что уйдет в революцию.

Александра не любила родовое имение отца в Кудровке, но зато обожала Финляндию и финскую усадьбу своей матери Куасан-Хови, на берегу Финского залива, где семья Домонтовичей отдыхала каждое лето. И в дальнейшей жизни ее больше тянуло к северным странам. Здесь, в Куасан-Хови, был большой дом с белыми колоннами, парк с беседками. Коллонтай вспоминала: «Моя мать была дочерью простого скупщика и продавца леса из Финляндии (“простой скупщик” был крупным лесоторговцем и фабрикантом, но в советское время принято было преуменьшать богатство предков. – Б.С.). Дедушка был сыном бедного финского крестьянина, близ Нейшлота. Восемнадцатилетним он босиком пришел в Петербург и занялся скупкой и продажей леса... дедушка, которого звали Александр Масалин, был энергичным, предприимчивым... накопил состояние на поставках леса. Женившись на русской девушке Крыловой, вернулся в Финляндию. На Карельском перешейке купил усадьбу и построил деревянный дом в стиле Александра I... В доме были художественные паркетные полы. Архитекторы из Петербурга и Выборга приезжали смотреть на них».

А вот как Александра описала довольно романтическое знакомство своих родителей: «Мой отец, – рассказывала Коллонтай, – впервые встретил мою мать в Итальянской опере. Но моя мать была внучкой финского крестьянина. Мой дедушка был гордый человек и не позволял, чтобы легкомысленные гвардейские офицеры ухаживали за его красивыми дочерьми (офицеров, вероятно, привлекала не только красота, но и солидное приданое. – Б.С.). Он нашел для моей матери другого мужа. Только через несколько лет мои родители снова встретились на балу. Они с первого взгляда страстно влюбились друг в друга, и мама настояла на разводе, что в то время было крайне трудным делом».

О своем счастливом детстве в весьма обеспеченной семье, где она ни в чем не знала отказа, Александра Михайловна вспоминала так: «Маленькая девочка, две косички, голубые

глаза. Ей пять лет. Девочка как девочка, но если внимательно взглядеться в ее лицо, то заметишь настойчивость и волю. Девочку зовут Шура Домонтович. Эта девочка – я».

Семья жила в богатом трехэтажном особняке. Женился генерал Домонтович лишь в сорок лет, на женщине с тремя детьми, которая ушла от мужа. Так что Шура была ее четвертым ребенком, но для отца – первым и любимым. В девочке смешалась русская, украинская, финская, немецкая и французская кровь. Прабабушка Александры была француженкой, а прадед – остзейским немцем.

Александра получила разностороннее домашнее образование. Семья не жалела денег на ее обучение. Она владела несколькими иностранными языками (английский, немецкий, французский, шведский, норвежский, финский и другие), интересовалась литературой, легко освоила светские манеры. Учителем словесности к ней был приглашен один из самых известных в ту пору русских педагогов и литературоведов Виктор Острогорский, редактор журнала «Детское чтение». В числе любимых книг Шуры были «Овод» Войнич и «Спартак» Джованьоли, что впоследствии повлияло на формирование у нее революционного мировоззрения. В 1888 году Александра сдала экстерном экзамены за курс гимназии в 6-й мужской гимназии в Санкт-Петербурге. Она посещала Школу поощрения художеств, брала частные уроки рисования. В юности увлеклась своим троюродным братом, поэтом Игорем Северяниным. Редкая красавица, Александра Домонтович пользовалась вниманием мужчин, была принята в петербургском высшем свете. Но Александра отказалась выйти замуж за генерала Ивана Федоровича Тутолмина, который сделал ей предложение в первый же вечер знакомства. Родители были не против этого брака и горячо поддерживали эту партию для своей дочери, хотя генерал все-таки был на 35 лет ее старше. Знакомство с Тутолминым произошло в Тифлисе, где тогда служил командиром 1-й Кавказской казачьей дивизии Иван Федорович.

Один из воздыхателей Александры, на два года старше ее, Иван Михайлович Драгомиров, сын известного генерала Михаила Ивановича Драгомирова, не выдержал и застрелился. Причиной самоубийства стало то, что, когда бедный Ваня признался в своих пламенных чувствах к ней, Саша высмеяла желание поклонника быть вместе всю оставшуюся жизнь. Шурочка обожала танцевать, и ее любимым партнером по танцам был Ванечка Драгомиров. Они были признаны на балах самой блистательной парой. Ей казалось, что она влюблена, а ее кавалер твердо верил, что у них обоих любовь до гроба. Но, когда Ваня попытался ее убедить, что они должны быть вместе навеки, Шурочка подняла его на смех. Через несколько дней Ваня пустил себе пулю в сердце из отцовского револьвера.

Начало революционного пути

Саша была против намерения родителей выдать ее за генерала Тутолмина, который был близок ко двору и одно время был воспитателем великого князя Петра Николаевича. Она объясняла это отцу и матери следующим образом: «Мне безразличны блестящие перспективы. Я выйду замуж за человека, которого полюблю». В 1890 году она вышла замуж за дальнего и бедного родственника, своего троюродного брата Владимира Коллонтая, с которым познакомилась во время поездки в Тифлис. Она так вспоминала об их знакомстве: «Среди беззаботной молодежи, окружавшей меня, Коллонтай выделялся не только выдумкой на веселые шутки, затеи и игры, не только тем, что умел лихо танцевать мазурку, но и тем, что я могла с ним говорить о самом важном для меня: как надо жить, что сделать, чтобы русский народ получил свободу... Кончилось тем, что мы страстно влюбились друг в друга».

Уговаривать родителей согласиться на брак с ним Александре пришлось целых два года.

В 1889 году отец отправил ее развеяться в Париж и Берлин под присмотром ее сводной сестры. Но переписка между влюбленными не прекращалась, а в Европе Шура узнала про профсоюзы, Клару Цеткин, «Коммунистический манифест» и про многое другое, включая феминизм, что в России все еще было запретным.

Владимир Людвигович Коллонтай (иногда встречается другое написание фамилии – Колонтай) родился 9 июля 1867 года и был старше Александры на пять лет, приходясь ей троюродным братом. Он был сыном участника польского восстания 1863–1864 годов, высланного в Сибирь, а затем поселившегося в Тифлисе. Сам Владимир уже обрусел и был православным. В момент сватовства к Шуре он имел чин поручика, но затем, вероятно во многом благодаря тестю, сделал довольно успешную карьеру. В 1893 году Владимир Коллонтай окончил Николаевскую инженерную академию по 1-му разряду, а в 1900 году, уже в чине капитана, стал штатным преподавателем той же академии. Во время Русско-японской войны Коллонтай за отличие был произведен в полковники, а в 1913 году – в генерал-майоры. В годы Первой мировой войны Владимир Людвигович был заведующим инженерной частью 3-й армии, а с мая 1916 года – начальником инженерных снабжений армий Северного фронта. За отличие он был в 1915 году награжден георгиевским оружием, а также орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Станислава 1-й степени. Владимир Людвигович скончался вскоре после возвращения своей супруги в Россию, как раз в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями. Не исключено, что, если бы генерал Коллонтай прожил дольше, он бы имел шансы разделить печальную судьбу второго официального мужа Александры Коллонтай Павла Дыбенко и ее многолетних любовников Александра Саткевича и Александра Шляпникова.

Владимир возмущался делением людей на богатых и бедных. Они вместе читали запрещенного Герцена.

То, что девушка из обеспеченной аристократической семьи идет в революцию, для России было явлением не частым, но и не уникальным. Достаточно вспомнить самый яркий пример здесь – Софью Перовскую. К счастью, Александре Коллонтай не пришлось жертвовать своей жизнью в революционной борьбе, равно как и кого-нибудь убить в этой борьбе. Но свой след в революции Коллонтай оставила.

Тут была совесть, осознание того, что богатство тебе в своей семье досталось незаслуженно, когда рядом миллионы живут в голоде и нищете. Было юношеское стремление переустроить этот несовершенный и несправедливый мир в мир всеобщего счастья и благоденствия.

Вернувшись из заграничного путешествия, Александра написала свои первые рассказы и послала их своему бывшему учителю Виктору Острогорскому. Тот ответил незамедлительно, подробно и на полном серьезе разобрав ее пробы пера. Острогорский писал о хоро-

шем замысле, о благородстве чувств и точности авторского зрения. Но также указал на вялость слога, бедность языка, подражательство и штампы. Но педагог не сомневался в литературных способностях Александры и советовал не бросать «дела, которому вы предназначены». «... Как я вам благодарна, дорогой Виктор Петрович, – отвечала Шура. – Сколько радости Вы мне доставили своим доброжелательным и, как всегда, мудрым советом! <...> Я всегда буду следовать Вашим советам. <...> Ваша Александра Домонтович».

Могла ли она предполагать, что переваливший через полувековой рубеж учитель вот уже пять лет тайно влюблен в свою ученицу, что, бездумно подписавшись «ваша» и не вложив в это слово никакого конкретного смысла, она породила у всероссийской знаменитости надежду на взаимность. За час до того, как Владимир и Александра отправились в церковь венчаться, пришло трагическое известие: накануне Острогорский предпринял неудачную попытку самоубийства. Он попытался отравиться угарным газом, но в последнюю минуту был спасен случайно зашедшей в комнату экономкой. Педагог уцелел, но остался инвалидом. Письмо, которое перед попыткой самоубийства он отправил своей ученице, по договоренности с молодым супругом Александра сожгла. В 1893 году молодые обвенчались, а в 1894 году у них родился единственный сын Михаил.

О том, как прошел их медовый месяц, напомнила годы спустя в письме тете Шуре племянница Владимира – дочь его старшей сестры Женья: «Живо припомнился ваш приезд с дядей Володи к нам в Тбилиси. Как мы, дети, искренне были уверены, что перед нами не просто молодая жена нашего дяди, а какая-то воздушная и лучезарная фея из сказки. Вы были восхитительно красивы, кроме того, мы все бессознательно воспринимали то молодое счастье, еще ничем не омраченное, ту необыкновенную любовь, которую вы оба излучали. <...> Помню, мы доходили до восторженного состояния, когда дядя в неудержимом порыве схватывал вас на руки и бегал, и кружился по балкону, а мы сопровождали его эволюции прыжками и радостными криками. А Вы, тетя Шура, были такая беленькая, нежная и такая счастливая».

Они сняли себе отдельную квартиру на Екатерининском канале, близ Кокушкина моста, чтобы не зависеть от родителей, у которых с зятем оставались прохладные отношения. Отец определил дочери ежемесячное содержание в размере трехсот рублей (больше половины губернаторского оклада!), чтобы не зависела материально от мужа, так что денежной проблемы не существовало. Но теперь организация быта стала долгом жены, к чему Александра совсем не была готова.

Муж был мягок и добр, старался во всем ей угодить, он был горазд на выдумки и забавы. Но Шурочка никогда не была примерной женой. Впоследствии она честно признавалась: «Я терпеть не могу домашнего хозяйства». После замужества она начала работать в публичной библиотеке. И дело было вовсе не в недостатке средств. Отец, хотя и был против брака, выделил замужней дочери значительное содержание. Но в библиотеке собирались вольнодумцы, с которыми тесно общалась Александра.

Кокушкин мост. Современный вид

Бывшая домашняя учительница Александры, Мария Ивановна Страхова, работала поблизости – в публичной библиотеке известного русского собирателя книг Николая Рубакина. У Александры наконец появилось «дело» – читать редкие книги в этой библиотеке. На базе рубакинской библиотеки Страхова затеяла создать передвижной (Подвижной) музей учебных пособий.

Страхова познакомила Александру с Лелей (Еленой) Стасовой, чей дядя, Владимир Стасов, был самым влиятельным театральным, музыкальным и художественным критиком, являлся хранителем Императорской публичной библиотеки. Отец же, Дмитрий Стасов, возглавлял Совет присяжных поверенных Петербурга и был одним из самых известных адвокатов, а также неплохим музыкантом, основателем Русского музыкального общества и Санкт-Петербургской консерватории.

Но в счастливом браке с любящим и готовым сделать все для своей любимой Владимиром Александра прожила недолго, хотя он терпел все ее измены. Вскоре она поселила в доме свою подругу Зою Шадурскую, дочь генерал-майора Леонида Шадурского, военного юриста, и приятеля мужа – Александра Саткевича. Сестра Зои Вера впоследствии стала знаменитой артисткой, выступавшей под псевдонимом Юренева, а потом вступила в большевистскую партию. Ее ближайшей подругой стала еще более знаменитая актриса Вера Комиссаржевская, которая жертвовала деньги в большевистскую партийную кассу.

Якобы Саша хотела сосватать Зою, но Саткевич сразу же увлекся не Зоей, а Шурой. «Это не человек, это Дяденька с Марса», – говорила о нем Зоя, разочаровавшись в потенциальном женихе. Правда, по вечерам читали неподцензурную литературу, в том числе марксистскую. Когда разозленная Зоя покинула дом Коллонтай, то в снимаемой ею квартире начали регулярно встречаться Саткевич и Александра. Саша никак не могла понять, кого же она все-таки больше любит, мужа или любовника. «Я уверяла обоих, что их обоих люблю – сразу двух», –

вспоминала Коллонтай. Но в то же время признавалась: «...К Владимиру Львовичу оставалась девичья влюбленность. Но “мужем” он не был и никогда не стал для меня. В те годы женщина во мне еще не была разбужена. Наши супружеские сношения я называла “воинской повинностью”, а он, смеясь, называл меня “рыбой”. Но я любила на него смотреть, мне он весь нравился и был мил, и даже было жалко его, точно жизнь его обидела».

Вот фрагмент единственного сохранившегося письма Александра Саткевича к Александре Коллонтай от 6 марта 1898 года (есть основания полагать, что переписка была весьма обширной, но потом кто-то из корреспондентов, или они оба, ее предусмотрительно уничтожил): «Умоляю Вас, берегите себя! Помните, что мне очень, очень дорого Ваше здоровье, что бы дальше ни было. Обо мне не беспокойтесь. Не надо ничего говорить Володе, Вам будет только хуже». Стало быть, даже весной 1898 года Владимир еще ничего не знал – по крайней мере от самой Александры, хотя ее драматические отношения с Саткевичем длились уже почти три года. Оказавшись в весьма двусмысленной и деликатной ситуации, Зоя ушла из «коммуны», предпочитая снимать свою квартиру, где и встречались тайно Александра и Александр.

17 лет спустя Александра так вспоминала эту любовную драму: «...Кууза. Осень. Льет, барабанит дождь. Вечер. Отпили чай. Мама, прислуга улеглись. А я стучусь в заветную дверь к маминой подруге Елене Федоровне, которая часто гостит в нашем доме. Недавно овдовевшая бывшая красавица, молодящаяся, хотя ей под пятьдесят, всегда хорошо затянутая, вся в завитках и высоких воротниках с пышными кружевными рюшами – так, чтобы виден был лишь пикантный носик с раздувающимися ноздрями и огромные черные глаза. <...>

В халатике, немного сгорбленная и сразу постаревшая без корсета, Елена Федоровна сидит перед туалетом и массирует лицо. “Шурочка? Вы? Вот умница, что пришли. Хотите шоколадные конфеты?” Я отказываюсь. До шоколада ли? Я переживаю свою первую серьезную любовную драму. Я мать семейства. Мой мальчик с розовыми щечками спит рядом со мной на бабушкиной половине, в которой я поселилась с тех пор, как я замужем. <...> Мой муж, еще недавно так страстно мною любимый, в командировке. А мое сердце уже отдано другому. Сердце ли? Я сама не разбираюсь, я сама не понимаю себя.

Я все еще люблю своего красивого мужа с его милой черной головкой, с его удалством, мальчишеской смелостью, с его шутками, с его любовью прокатиться на тройке, устроить пикник, с его порывами ко мне, с его любовью к своему – к нашему – мальчику.

Но рядом народилось, выросло, окрепло и другое чувство. Совсем другое. <...> Это чувство душевного родства, близости и понимания, точно у нас с ним, с тем другим, одна душа. Мы одно в мыслях, в отношениях к жизни, к людям. Он слышит меня без слов, он понимает каждое мое движение. Он так не похож на моего мужа, даже по наружности, не говоря уже о душевном складе. <...> Контрасты! И чувство к обоим уживается в душе, дополняя друг друга. Но разве это может быть, разве это бывает? Вот если бы с одним было одно, с другим другое, или даже одно и то же, но в разное время!.. Почему такая несвобода в единственный раз данной нам жизни? <...>

Считается, что любовь к двум сразу – это же ненормальность. Позор! Разврат! За разгадкой своей души я и иду к Елене Федоровне. Она должна знать. По типу она “холодная женщина” <...> не случайно ее звали “кукушкой”. Народила детей от разных мужей (хотя официально была замужем только два раза) и разбросала по свету. Дети – это ненужное последствие того, что составляло центр ее жизни, – любовные переживания, страсти, муки, радости любви. У нее и сейчас роман – последний и мучительный. Он “мальчишка”, годами по ней страдал. Она издевалась над ним, иногда снисходила. И вот теперь он собирается жениться на “девчонке”! Задето самолюбие отвергнутой красавицы, задета ревность. Пусть она даже не любит его – этот “мальчишка” был последний “дар жизни”...

<...> Она делится этим со мной. Я горда ее доверием. И со своей стороны именно ей рассказываю все. <...> Разве можно любить двух?

– Конечно, можно! Женское сердце такое сложное! Но вы все равно проверьте себя, Шура, одного вы должны любить больше. Помните, как вы были влюблены в вашего мужа четыре года назад? В этой самой комнате, когда мама требовала, чтобы вы ему отказали, вы уверяли меня, что умрете, если вас за него не выдадут. А теперь...

– Я и сейчас его люблю. Если я с ним расстанусь, я никогда, никогда не найду покоя. Но расстаться с тем, с другим, – вы понимаете, тогда жизнь сразу становится такой пустой, такой холодной. И я буду одинока, да, одинока, даже любя моего черноглазого, милого, любимого Володю. С кем бы из них я ни рассталась, все равно, я знаю, на всю жизнь буду несчастна.

– Ну это, положим, глупости! Это ваш не первый и не последний роман. Вы очень влюбчивая натура, и у вас еще будет немало романов.

– Никогда! – я страстно протестую, я возмущена, оскорблена. – То, что я теперь переживаю, это так глубоко, это на всю жизнь. Мое чувство к А. А. срвалось с моей душой, это просто часть меня! Его я никогда не разлюблю, потому что это не просто любовь, это не роман – это нечто гораздо более глубокое, сложное...

Елена Федоровна слушает меня со снисходительной улыбкой.

– Если вас так много связывает с А.А. (Саткевичем. – Б.С.), если это на всю жизнь, чего же вы колеблетесь, зачем тянуть эту муку? Зачем не порвете теперь с мужем? Верьте, это будет и для него легче, к чему изводить себя, его, А.А.?

– Если я уйду от мужа к А.А., счастья не будет. Я буду тосковать по мужу, мучиться. Наши отношения с А.А. совсем из другой области. Поймите: мне оба нужны! Они не исключают, а дополняют друг друга. Почему нельзя все оставить “так”? Почему надо непременно выбирать? Почему надо рвать по живому? Это жестоко. Это несправедливо.

– Вы сами виноваты, Шура, зачем вы все рассказали мужу?

– Как же иначе, ведь было бы бесчестно умолчать.

– Бесчестно? Это слова!.. Разве лучше, что вы все трое мучаетесь теперь? Добро бы еще вы забеременели... Вы гораздо больше влюблены в своего мужа, чем сами сознаете. И для чего создавать целую драму – объяснения, слезы, ревность, разрывы? Если бы вы ничего мужу не говорили, жили бы, как все эти годы, все трое, в близком общении и согласии. И вам было бы хорошо, и они оба были бы довольны. Конечно, А.А. страдал бы, но, уверяю вас, меньше, чем страдает сейчас, хоть вы и говорите, что он неревнив, что он вас чудно понимает, но это кому же не обидно будет, что любимая женщина мечется между мужем и им, как маятник, то туда, то сюда... Погодите, еще лопнет у А.А. терпение, и уйдет он к другой.

– Никогда! При таком понимании, при такой близости.

<...> Мы говорили до полуночи. <...> Она рассказывала, как, беременная от другого, она приходила объясняться с вернувшимся из далекой поездки мужем. <...> “Когда-нибудь вы вспомните мои слова, что нет прочных отношений на свете, что чувства, желания – все преходяще”. Тогда я не верила. <...> В глубине души жила надежда, вернее, юная вера: вот перескачу через пропасть, а там ждет большая, радостная, красивая жизнь. <...> Разве я не баловень госпожи-жизни? <...>

На бабушкиной половине мирно спит мой мальчик. Я крадусь мимо в свою спальню. Зажигаю свечу в фарфоровом подсвечнике и ложусь на высокую, парадную, двуспальную бабушкину постель. Засыпается сладко под мирный звук осеннего дождя, с чувством снисходительной жалости и сознанием превосходства своего положения. У Елены Федоровны все хорошее – позади, а у меня – впереди».

Короче говоря, идеалом для Шурочки на какое-то время стало иметь сразу и хорошего мужа, и хорошего любовника. И обеих она сильно, хотя и по-разному, любила. Возможно, Саткевич удовлетворял ее больше как мужчина, а с Владимиром в тот момент была большая

духовная близость, которая потом появилась и с Саткевичем. Коллонтай считала ханжеством, когда женщину осуждают за то, что она одновременно дарит свою любовь двум мужчинам. И не считала, что при этом она кому-нибудь изменяет и кому-нибудь причиняет боль.

Затем прошло еще больше 20 лет, Саткевич к тому времени уже погиб, и Александра Михайловна теперь несколько иначе описывала происшедшее. «Как это началось с А.А.? (Саткевичем. – Б.С.), – писала она почти сорок лет спустя после этого памятного романа в своем дневнике. – <...> Женщина чувствует, что нравится, мужчина завоевывает ее отзывчивостью и пониманием, завоевывает душу. <...> Любила ли я А.А.? В те годы мы увлекались (по Чернышевскому) проблемой: “любовь к двум”. Не чужды были этой теме Байрон и Гете. Но в жизни сложнее. На распутывание узла ушло два с половиной года. Мы все трое хотели быть великодушными друг к другу, чисты перед собою и друг перед другом, и все усложняли. <...> А.А. не мог рубить беспощадно. Он поддерживал во мне стремление, чтобы все было по-хорошему. И сам все запутывал. Виновата и я, потому что уверяла обоих, что их обоих люблю – сразу двух. Любить двоих – не любить ни одного, я этого тогда не понимала. <...> С Володией я не могла говорить об А.А., а с А.А. могла плакать о К[оллонтае], о моей любви к нему».

Александр Александрович Саткевич уже в 1902 году получил звание профессора и возглавил адъюнктуру в Военно-инженерной академии. Он стал крупным ученым в области гидро-, аэро- и термодинамики, генерал-лейтенантом императорской армии и членом-корреспондентом АН СССР, начальником Военно-инженерной академии РККА. В период борьбы с «военно-фашистским заговором» это была очень плохая должность, поскольку академию курировал Тухачевский, отвечавший за вооружения Красной армии. Александра Александровича арестовали 8 февраля 1938 в Ленинграде, дома, ночью. Обвинение ему было предъявлено по ст. 58, п. 2, 6, 10, 11 как участник контрреволюционной офицерской монархической организации, проводившей шпионскую и диверсионно-повстанческую деятельность. 19 июня 1938 года Комиссией НКВД и прокурора СССР Саткевич был приговорен к расстрелу и расстрелян 8 июля 1938 года в Ленинграде. Ему было 68 лет. В 1957 году А. А. Саткевича реабилитировали и посмертно восстановили в составе Академии наук.

Александра рано начала интересоваться социальными вопросами. Уже летом 1896 года она собирала деньги для участников стачки текстильщиков в Петербурге. Позднее она признавалась: «Женщины и их судьба занимали меня всю жизнь, и их-то участь толкнула меня к социализму».

В апреле 1898 года Александра Коллонтай покинула супружескую квартиру, обосновавшись в снятых ею для себя, сына и няни меблированных комнатах на Знаменской улице. Но покоя и на новом месте не обрела.

Она ушла от мужа через пять лет казавшегося счастливым брака, оставив супругу малолетнего сына Мишу, получившего домашнее прозвище Хохля из-за сумрачности взгляда и склонности вбирать наклоненную голову в плечи, когда ему кто-то или что-то не нравилось. Позднее Александра Михайловна признавалась, что оставила семью, чтобы участвовать в революционном движении: «Я хотела быть свободной, – признавалась она. – Маленькие хозяйственные и домашние заботы загромождали весь день, и я не могла больше писать повести и романы... Как только маленький сын засыпал, я шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина». Александра Коллонтай отправляется за границу и посвящает себя делу революции.

«Рвалась всегда куда-то в будущее, не успокаивалась ни в работе, ни в любви. Все-то мне мало было, – записала Коллонтай в дневнике. – Оглядываюсь: всегда-то я шагала через препятствия. Смолodu была “мятежная”. Никогда не останавливалась перед тем, как на это посмотрят “другие”, что скажут. Не боялась ни горя, ни трудностей. И опасности не пугали. Захочу – добьюсь. И достигала. Была холеная девочка в благополучной семье. Могла прожить, как другие. Так нет же, смолodu, с детства рвалась куда-то, искала чего-то нового, другого,

не того благополучия, как у сестер. И ненавидела “несправедливость”. Не успокаивалась ни в работе, ни в любви...»

Революцией Александра Коллонтай увлеклась в 1890-х годах благодаря знакомству с Еленой Дмитриевной Стасовой. Она также подружилась с Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник, в доме которой Коллонтай скрывалась от полиции. Эта помощь революции зачлась, после 1917 года Татьяна Львовна осталась вполне востребованной переводчицей и репрессиям не подвергалась, несмотря на свою не вполне стандартную сексуальную ориентацию.

13 августа 1898 года, оставив мужа, Коллонтай уехала в Швейцарию, где поступила в Цюрихский университет к профессору Генриху Геркнеру, чьими трудами по рабочему вопросу она заинтересовалась. Миша остался на попечении родителей Александры. Коллонтай хотела получить полноценное образование, что в России для женщины было практически невозможно сделать. Геркнер откликнулся на просьбу молодой русской поклонницы и взял ее в свой семинар. Но она заболела нервным расстройством. Депрессия погнала ее в Италию, где Александра писала статьи для газет и журналов, которые мало кто печатал. Впрочем, писала она для души, а не для денег. Деньгами щедро снабжал отец. Она поселилась на побережье Лигурийского моря, неподалеку от Генуи. По совету Геркнера в 1899 году Александра приехала в Англию изучать английское рабочее движение. В Англии Коллонтай познакомилась с Сиднеем Веббом и Беатрисой Вебб – лидерами британского социалистического движения и будущими основателями лейбористской партии. Супруги показались ей милыми, но полностью оторванными от реалий современности стариками. Однако нервное расстройство усилилось, Александра заехала в Берлин, где врачи посоветовали вернуться домой. И в том же 1899 году Александра Михайловна возвратилась в Россию, где попыталась в последний раз зажить нормальной семейной жизнью, ухаживала за больным мужем. Но вскоре возобновились встречи с Саткевичем. После она вернулась в Швейцарию, где продолжила занятия у профессора Геркнера. Коллонтай писала о Финляндии – о проектируемых реформах, об экономике, о рабочем движении, и ее статьи охотно публиковали солидные журналы. Так появился крупный специалист по Финляндии «Эллен Молин» (под этим псевдонимом были опубликованы ее статьи в издававшемся Каутским журнале «Новое время»), знаток местного и русского рабочего движения.

«К прошлому – нет тропы, – писала Коллонтай Татьяне Щепкиной-Куперник. – Надо идти, идти, идти вперед, до дня, когда впереди уже не будет ничего, кроме небытия. След прошлого замечается помелом событий. Есть память о нем.

Как о сне. Было ли все это? Пережито ли? Или вычитала в книге? Фантазия или быть? Все одно – сейчас это дымка воспоминаний, и все. И люди, милые люди, уже стали другими. Другие заботы. Другие задачи. Жизнь была редко к кому милосердна».

А в автобиографии Александра утверждала: «В 1899 году я вернулась в Петербург уже определившейся марксисткой и сошлась с друзьями одного со мной политического мировоззрения».

Прежняя болезнь Владимира – хронические нарывы в горле – вспыхнула с новой силой, и Александре сразу же после возвращения из-за границы пришлось ухаживать за ним. Но ее хватило лишь на несколько недель. Ей вновь захотелось в Швейцарию. Встречи с Саткевичем также продолжались.

А в 1901 году Александра вернулась в Швейцарию к профессору Геркнеру. В Женеве, в библиотеке, она познакомилась с лидером российских марксистов Георгием Плехановым. Плеханов сразу же пригласил Коллонтай домой, познакомил с женой Розалией Марковной, подарил книги. А в Цюрихе Коллонтай также подружилась с Розой Люксембург. Изредка она наведывалась в Петербург, но встречалась теперь не с мужем, а с Саткевичем.

От Плеханова у Коллонтай началось знакомство с марксистской теорией. Георгий Валентинович познакомил ее с супругами Лепешинскими, открывшими на углу улицы Каруж и набережной Арвы партийную столовую для малоимущих эмигрантов. Ольга сама готовила tradi-

ционные блюда русской кухни: борщ и рубленые котлеты. Александра к числу малоимущих, разумеется, не относилась, но предпочитала столовую Лепешинских, где, в отличие от обычных парижских кафе, всегда можно было пообщаться с единомышленниками.

Иван Бунин писал в «Окаянных днях»:

«О Коллонтай (рассказывал вчера Н.Н.):

– Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа на ангела. С утра надевала самое простенькое платьице и скакала в рабочие трущобы – “на работу”. А воротясь домой, брала ванну, надевала голубенькую рубашечку – и шмыг с коробкой конфет в кровать к подруге: “Ну давай, дружок, поболтаем теперь всласть!”

Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток».

Как кажется, Иван Алексеевич подозревал ненавистную ему Коллонтай в приверженности к лесбийской любви, еще не подозревая, что ему самому предстоит стать жертвой лесбиянки, когда Марга Степун отобьет у него Галю Кузнецову. Писатель тогда еще жаловался ее брату, философу Федору Степуну, что любовь женщины с женщиной – это грех.

Замечу, что подозревать Александру Коллонтай в бисексуальности есть определенные основания. Вспомним, сколь нежные письма писала она Татьяне Щепкиной-Куперник. И столько писем, сколько ей, Александра больше никому не написала. С Щепкиной-Куперник Коллонтай дружила 45 лет, до самой своей смерти. Сохранилось 777 писем Коллонтай к Щепкиной-Куперник, а также 599 писем нашей героини Зое Шадурской и 183 письма к ее сестре, Вере, известной актрисе, выступавшей под псевдонимом Юренева.

Т. Л. Щепкина-Куперник. Художник И. Е. Репин

У Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник детей не было, хотя был муж – Николай Борисович Полюнов – и слыл донжуаном. Зато у Щепкиной-Куперник была репутация лесбиянки (точнее, бисексуалки). Учитывая, что большего количества писем, чем Танюсе, Коллонтай никому не написала, можно предположить, что между ними была не только дружба, но и любовь.

Впрочем, нельзя быть стопроцентно уверенными в характере сексуальной ориентации Коллонтай. В конце концов, видеокамер тогда не было, а свечку никто не держал. Но в одном можно быть уверенным, так это в том, что, если у Александры и были любовницы, любовников у нее было на порядок больше.

В 1902 году после смерти отца его имение в Черниговской губернии переходило по завещанию только к ней, а с ним и все в отличие от рабочего вопроса, Александра не имела никаких внятных представлений и должна была целиком полагаться на управляющих, которые по возможности себя не забывали и тащили то, что плохо лежит. Перед Первой мировой войной имение пришлось продать. В своем имении Александра никогда не была и лишь читала подробные ежемесячные отчеты управляющего К. А. Свикиса. Но доходы от Кудровки были главным источником семейного благосостояния. Управляющий информировал хозяйку о сдаче внаем дачи, о продаже овса и гречки, картофеля и проса, молока и яиц. В управлении имением Александре помогал преданный Саткевич, взявший на себя переписку с управляющим. Впрочем, он тоже мало что смыслил в сельском хозяйстве. Доходы от имения колебались в пределах от 1700 до 2600 рублей в месяц, да и после продажи имения банковские доходы на капитал, вырученный от продажи имения, остались примерно на том же уровне.

После раскола Российской социал-демократической партии на большевиков и меньшевиков на II съезде партии в 1903 году Коллонтай не примкнула ни к одной из противоборствующих фракций, хотя по своим взглядам стояла ближе к меньшевикам. Она так передавала свои чувства того времени: «У меня были друзья в обоих лагерях. «По душе ближе мне был большевизм с его бескомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от разрыва с меньшевиками».

Лето 1903 года она провела с Мишей на море – на французской Ривьере. Ребенок впервые попал за границу и быстро освоился в ней: он уже сносно болтал по-немецки, начал учить французский.

Первая серьезная статья Коллонтай, «Земельный вопрос в Финляндии», была опубликована в 1902 году в журнале «Научное обозрение». А будучи уже автором двух книг («Жизнь финляндских рабочих», вышедшей в 1903 году, и «К вопросу о классовой борьбе»), а потом и третьей («Финляндия и социализм»), она также писала о женском движении, о «пролетарской нравственности», которая должна прийти на смену нравственности буржуазной. В 1906 году вышла ее книга «Финляндия и социализм. Сборник статей, не появившихся в печати в России».

С Саткевичем они жили теперь почти открыто. Его начальство смотрело на это сквозь пальцы. Часто они оставались друг у друга на ночь и перестали соблюдать конспирацию. Сын Миша жил отдельно от матери, с экономкой и гувернанткой.

В эмиграции

Во время расстрела рабочей демонстрации в Кровавое воскресенье 9 января 1905 года Коллонтай была на петербургских улицах. Расстрел мирных пролетариев, многие из которых шли целыми семьями, ее потряс. В том же году в Петербурге познакомилась с Лениным. После начала Первой русской революции Коллонтай инициировала создание «Общества взаимопомощи работницам». Она часто выступала на митингах и собраниях и обнаружила талант оратора, умеющего зажечь толпу. Осенью 1905 года на подпольном собрании в помещении Технологического института Коллонтай познакомилась с только что вернувшимися из эмиграции Владимиром Лениным и его другом и соперником, главой меньшевиков Юлием Мартовым.

Примерно тогда же Коллонтай познакомилась с соредактором первой легальной социал-демократической «Московской газеты» Петром Масловым, приехавшим по делам в Петербург. У Александры с редактором первой российской легальной газеты социал-демократов, экономистом, который был старше ее на пять лет, завязывается бурный роман. Маслов, специалист по аграрному вопросу, безумно влюбился в нестандартную революционерку, всюду следовал за Коллонтай, прихватив с собой свое семейство. Хотя внешность у него была не слишком презентабельной: пухленький, рано начавший лысеть степенный мужчина, похожий на купца второй гильдии или чиновника средней руки. И хотя Петр Павлович происходил из оренбургских казаков, казачьей лихости у него не было. Но он окунулся с головой в омут внезапно нахлынувшей любви.

Ленин отчаянно критиковал Маслова за «ревизионизм», за «измену марксизму» – причиной тому была не столько его программа муниципализации земли, сколько его организационная принадлежность к меньшевикам. Тем не менее друг Коллонтай благополучно пережил все революционные бури, а потом и Большой террор. Ему даже не поставили в вину преподавание в университете в колчаковском Омске, а в 1929 году избрали в академики АН СССР.

А между тем в биографии П. П. Маслова периода Гражданской войны были и вовсе опасные моменты. В конце июня 1918 года на Челябинском уездном съезде крестьянских, казачьих, рабочих и мусульманских депутатов Петр Павлович был избран председателем Челябинского исполнительного комитета народной власти. С июля 1918 года исполнял обязанности комиссара Челябинского округа Временного Сибирского правительства, в которое входили эсеры, народные социалисты, беспартийные областники. А это уже по большевистским меркам – прямая контрреволюция. В сентябре 1918 года Маслов участвовал в Уфимском государственном совещании. Только после колчаковского переворота он ушел со всех постов и обратился к преподавательской деятельности. Можно предположить, что в дальнейшем большевики не узнали, чем занимался Петр Павлович летом и осенью 1918 года. Иначе он не только не стал бы советским академиком, но и вряд ли бы умер своей смертью.

Ретроспективно оглядывая свой жизненный путь годы спустя, Коллонтай записала в дневнике: «Было хорошо в совместной жизни и дружбе с Дяденькой. Он меня берег и баловал. Но опять душно стало, опять ушла <...>».

Но вот беда – Петр Петрович состоял в законном браке, и его жена, Павлина, в просторечии Павочка, неусыпно следила за мужем, не отпуская от себя ни на шаг.

Коллонтай арестовали, но выпустили под залог. Пока она укрывалась у писательницы Щепкиной-Куперник, друзья приготовили ей заграничный паспорт, и она эмигрировала. Пока готовили паспорт, Татьяна Щепкина-Куперник предложила ей укрыться в своей квартире, столь уважаемой и известной, что полиция туда не наведывалась. Накануне бегства Татьяна устроила для Александры прощальный вечер. Пришли музыканты, актеры, художники. Композитор Сергей Василенко и поэт Сергей Городецкий написали в честь Александры романсы – их исполнили знаменитые певцы.

В ночь с 13 на 14 декабря 1908 года Коллонтай эмигрировала, так как против нее были выдвинуты обвинения в призыве к вооруженному восстанию в брошюре «Финляндия и социализм». В том же году в предисловии к своей книге «Женское движение и классовая борьба» она писала: «Необходимо, чтобы социал-демократия, ввиду нового выступления феминистов, формулировала свое отношение к женскому буржуазному движению и отмежевалась и у нас – в России – от буржуазного феминизма. Эту задачу и преследует моя работа, которая является первой попыткой самостоятельной разработки женского движения на русском языке...» Можно сказать, что Александра стала первой русской феминисткой. Она была убеждена: «Мир женщин, как и мир мужской, также разделен на классы. Никакое формальное уравнивание женщины в правах с мужчиной, ни политическое, ни профессионально-трудовое, не спасет женщину от социального и экономического рабства».

Очень скоро в берлинский пригород Грюневальд, где поселилась Коллонтай, приехала повидаться с ней Татьяна Щепкина-Куперник, а потом и Петенька. Но для того, чтобы надолго обосноваться в Германии, он прихватил с собой семью.

«Если б ты знала, милая Зоюшка, – писала она Шадурской из Берлина, – как я люблю своего Маслика, но не могу идти на замужество, мысль о совместной жизни меня прямо пугает». А «Маслик» меж тем уже и не представлял жизни без нее, был готов на разрыв с семьей, только бы не потерять своей «Коллонтайки».

В Берлине Коллонтай вступила в германскую социал-демократическую партию и в качестве ее представителя поехала в Копенгаген на Восьмой конгресс Второго Интернационала в августе 1910 года. Перед конгрессом состоялась Международная конференция социалисток, где Александра Михайловна Коллонтай была делегаткой работниц-текстильщиц Северного промышленного района Петербурга и выступила с докладом об охране материнства и детства. Там ее избрали членом постоянного Международного секретариата по руководству женским социалистическим движением. Тогда как раз и было принято решение о ежегодном праздновании 8 марта Международного дня женщин.

Обладея признанным даром оратора и свободно говоря на основных европейских языках, Коллонтай пользовалась большим спросом как лектор. В сентябре 1909 года она признавалась одной из подруг: «Платят хорошо: десять марок суточных, все переезды на их счет и двадцать марок “за выход”. Предлагают прочесть хоть сто рефератов, ей-богу, я разбогатею!»

С 12 по 31 мая 1909 года Коллонтай путешествовала по Германии и Швейцарии, выступала с докладами о революционном движении и положении женщин в России. В Хемнице проходила организованная социал-демократами «Красная неделя», и старая подруга Клара Цеткин лично просила Александру, как признанного оратора, в том числе на немецком языке, поучаствовать в митингах и собраниях.

По партийным делам Александра много путешествовала, посетила Бельгию, Великобританию, Германию, Данию, Норвегию, Францию, Швейцарию и Швецию. Дважды посещала США. В 1907, 1910 и 1912 годах Коллонтай делегировалась РСДРП на международные социалистические конгрессы в Штутгарте, Копенгагене и Базеле. Там она иной раз представляла и социал-демократов других стран.

Клара Цеткин

Александра Михайловна вполне комфортно чувствовала себя в Западной Европе. Тем более в большинстве стран языкового барьера для нее не существовало. Но она тосковала по петербургским друзьям. В июле 1910 года Коллонтай интимно писала Щепкиной-Куперник: «Как странно, мои мысли так часто витают возле тебя, моя нежная Танечка с солнечной улыб-

кой, ты все еще жива во мне, ясно вижу твои глаза, с их глубокой жизнью, богатой оттенками, слышу твой голос, твой смех, а письма мои стали так редки...

Не писала тебе, так как говорить с тобой о погоде, о новостях в пансионе, о выборах в баварский ландтаг казалось диким, а писать о другом, что лежало на душе, было страшно... Ты понимаешь, нельзя касаться того, что еще трепещет, как раненая птица, в душе и содрогается от каждого прикосновения. Но теперь уже я более или менее взяла себя в руки... Главное сейчас – работа. Хочется дорваться до нее, ведь сама по себе она дает большое наслаждение. Ты это знаешь, правда? Особенно, когда веришь, что сделаешь нечто большее, чем сейчас тобою сделано...»

В эмиграции Александра примкнула к ликвидаторам. Коллонтай читала лекции в основанной группой «Вперед» школе в Болонье. Здесь преподавали также Богданов, Луначарский, Алексинский. «Быть активным, действующим социал-демократом, оставаясь при этом женщиной, очень трудная, иногда даже мучительная задача», – отмечала она для себя. В Болонье ее почему-то остро невзлюбила жена Богданова. Приревновала без всякой причины. «Она не женщина, – коротко объяснила Коллонтай драму этой семьи в своем дневнике. – Несчастье: она оперирована. Но при чем здесь я? При чем сам Богданов? Как он меня боялся!...»

Речь здесь идет о жене видного философа – социал-демократа Александра Александровича Богданова (Малиновского) Наталье Богдановне Малиновской (урожденной Корсак), профессиональной акушерке, принимавшей роды у жены Льва Толстого в Ясной Поляне. У них с Александром Александровичем детей не было.

В феврале 1911 года Коллонтай читала лекции в Болонье о Финляндии и об эволюции семьи. Она писала Щепкиной-Куперник: «Читаю не только ежедневно, но часто по два раза в день, сверх того – практические занятия со слушателями, дискуссии и т. д. Не успеваю даже поспать нормально и от этого сильно устаю».

Лекции по финляндскому вопросу, о земельной реформе, о роли крестьянства в неизбежно предстоящей революции, жаркие дебаты с молодыми социал-демократами о будущем России имели такой успех, что Эмиль Вандервельде и Камиль Гюисманс сразу же пригласили Коллонтай совершить лекционное турне по Бельгии.

В Бельгии Коллонтай рассказывала русским эмигрантам о положении в России и о женском вопросе. Одна из лекций так и называлась: «Сексуальный кризис и классовая мораль». Александра Михайловна жаловалась Щепкиной-Куперник: «Ежедневно без отдыха ношусь по Бельгии, среди копоты и гор каменного угля... Гнезда тяжелого упорного труда... Бледные, желтые, худые лица шахтеров, сильные и гордые типы металлистов, чахоточные и почему-то всегда воодушевленные “идеалисты” – ткачи, ткачихи... Залы, забитые тысячью и более слушателей, процессии с музыкой, с которой меня встречают на вокзале...»

А в конце апреля 1912 года прямо в поезде, возвращаясь в Берлин, Шура радостно сообщала Тане Щепкиной-Куперник: «Поездка по Швеции дала мне громадное моральное удовлетворение, так как я осязательно чувствовала, что являюсь опорой для молодого радикального течения в Швеции (общесоциалистического, не женского), но и женщинам кое-что дала. Вся поездка – это какой-то золотой сон... Могло бы вскружить голову, если б я была моложе и менее знала жизнь. Было много и чисто внешнего успеха. Моя первомайская речь комментировалась всякими газетами... Но быть временной знаменитостью – это тоже имеет свои неудобства: сегодня на пароходе, конечно, меня все знали, еще бы: в газетах всяческие снимки – то на трибуне, то премьер-министр и... я – два полюса первомайского дня. Проводы толпы с криками: “Александра Коллонтай, ура! Ура! Ура! Ура!” (четыре раза, заметь! Это полагается в Швеции); одним словом, все, как полагается, и вот на пароходе – качка. Русская агитаторша борется с приступами морской болезни, наконец, срывается с места... А пассажиры бегут смотреть, что она будет делать!!!»

Маслов прочел цикл лекций в Германии. Коллонтай же приехала на съезд социал-демократов в Мангейм. Ее пригласили по рекомендации Карла Каутского и Розы Люксембург. Здесь она познакомилась с Карлом Либкнехтом, Кларой Цеткин, Августом Бебелем. Либкнехт был явно неравнодушен к ней, и она отвечала взаимностью.

В Берлине Коллонтай встретилась с Масловым. В Петербурге он встречаться боялся, остерегаясь огласки.

Берлин Александре не нравился. «Представь, Танюся, это Берлин! – писала она Щепкиной-Куперник. – В таких квартирах ютятся плохо оплачиваемые рабочие... Сыро, темно... Меня возили смотреть. 650 тысяч семейств живут в перенаселенных квартирах! И это в “благоустроенном” Берлине. Иногда так ненавидишь весь этот мир контрастов...»

Однако Шурочку сильно тяготило то, что после их свиданий он, боясь жены, сразу спешил домой. Тайные встречи с любовником стали утомлять Александру. Она уехала в Париж, сняла комнату в скромном семейном пансионе. Но Петр бросился за Шурой, прихватив, как всегда, свое семейство. Он приходил к ней каждый день, но ровно в половине десятого торопился домой. Ее это угнетало.

Зоя писала Александре: «...Видела Мишку, жаловался на тебя: “Мамочка к себе на версту не подпускает, только здоровались, да прощались, да за обедом три часа сидели”. – “Что ты ей прямо не сказал?” – “Как же скажешь, мама стала такая раздражительная. Все Маслов да Маслов...” Ревнует <...>».

А вот как Коллонтай представляла себе «будущий социалистический город»: «...Красивые особняки в садах. Все особняки оборудованы всей современной техникой... Каждый живет сообразно своим индивидуальным склонностям, вкусам...» Маслов же считал это «наивной восторженностью гимназистки».

Когда Александру навещал сын Миша, для нее наступал настоящий праздник. Она писала Тане: «На душе – относительно покойно и ясно. Жду своего сына – это праздник. Мечтаю о том, как мы с ним будем “питаться” заграничной жизнью... Это особенная радость – показать хорошее, любимое, интересное “собственному” большому сыну...»

Но праздник быстро кончался. И Александра жаловалась той же Щепкиной-Куперник: «Я только что проводила Мишу и шла на почту с душою, полной той холодной тоски, какую познала только здесь, за границей, в период моего одиночества. Странно, что эта холодная тоска, ощущение одиночества, никому ненужности является у меня особенно ярко всегда в шумном и людном Париже».

В Париже Коллонтай снимала комнату в скромном семейном отеле «Босежур» на улице Ранелаг, р. 99 в пригороде Пасси. Она почти никуда не выходила, работая над рукописью новой книги «По рабочей Европе». Героями книги были Жан Жорес и Жюль Гед, Эмиль Вандервельде, Виктор Адлер, Отто Бауэр, Камиль Гюисманс, Карл Каутский, Вильгельм Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин. По поводу этой книги, вышедшей в Петербурге в 1912 году, Александра писала из Берлина своей подруге Варваре Волковой: «Не хватает у немцев революционного духа, знаете, не боевых фраз, а этого стремления вперед, энтузиазма, веры во что-то светлое, что ждешь после борьбы. Конечно, они деловитее, быть может, даже более знающие, но это все-таки чужие...»

Маслову в Берлин Александра сообщила, что остается в Париже. Более четверти века спустя в своем дневнике Коллонтай вспоминала: «В первый раз за годы близости с П.П. я забываю о нем и в душе не хочу его приезда в Париж. Его приезд значит, что он меня запрет в дешевом отельчике с окнами во двор, что я не смею днем выйти, чтобы партийные товарищи меня случайно не встретили и не донесли бы Павочке. <...> Все это было столько раз – я не хочу “плена любви”. Я жадно глотаю свою свободу и одиночество без мук. <...> Я начинаю “освобождаться” от П.П.». Но Петр Павлович вместе с семьей тотчас примчался во французскую столицу вслед за любимой и поселился на Монпарнасе. К десяти часам ему приходилось воз-

вращаться от любовницы к жене, поскольку ни одна библиотека в Париже не работала позднее, чем до половины десятого. Впрочем, Павлина уже, вероятно, догадывалась об измене мужа. Александру этот подкаблучник начал уже раздражать.

Ужин с Масловым быстро переходил в споры о земельной ренте, о законе народонаселения, вообще о демографии, о социальном неравенстве и классовой борьбе. Но любовники соглашались в главном: для большевиков демократия – только лозунг, средство для захвата власти, которую они потом никому не собираются отдавать... А вот для нас, меньшевиков, демократия, свобода для каждого – не средство, а цель. Без ее достижения политическая борьба бессмысленна.

Коллонтай активно участвовала в стачке парижских домохозяек. Она вспоминала: «Я участвую с увлечением в стачке <...>, – писала она впоследствии в своих неизданных мемуарах. – Я на митингах, на собраниях, нас хватает французская полиция <...>. Выпускает, и я снова на трибуне. Я горю с ними за общее дело».

Восемь лет спустя Александра Михайловна вспоминала, как ожидала свидания с Масловым: «Дивное утро. Цветет белая акация, пьянящий запах и знакомый. Он с чем-то связан. Ах да: белые душистые гроздья акации в пригороде Парижа – Пасси, 1911 год. Я живу в дешевом отеле и питаюсь больше земляникой и сырками. Почти не выхожу. С утра до вечера пишу “По рабочей Европе”. В третий раз переписываю всю рукопись... А по вечерам сижу у окна, дышу белой акацией, жду к себе П.П... Наши радостные встречи, наши скромные ужины, сыр, хлеб, масло, земляника. И, конечно, разговоры о падении земельной ренты и о законе народонаселения. Хорошо, радостно... Я хлопочу о переводе и издании его книги в Германии. И тут же вечный страх П.П.: а вдруг его жена, Павочка, узнает, что он у меня? Павочка безмерно ревнива. Как я любила, страдала от его укулов, что так непонимающе, чисто по-мужски наносил мне П.П. И все-таки я его любила со всей мукой и искренностью. И вот разлюбила. Значит, это возможно? Это только в юности веришь, что если полюбишь, то это навсегда...»

Действительно, тогда настроение у Александры было приподнятое, воодушевленное очередной любовью. В апреле 1911 года она писала Щепкиной-Куперник: «У меня весеннее настроение, бодро и, знаешь, трепещет что-то беспричинной радостью в груди, как в семнадцать лет!...»

Выступая на первомайском митинге 12 мая 1911 года, Ленин пригласил Коллонтай участвовать в открытии знаменитой партийной школы в Лонжюмо. Тринадцать слушателей-партийцев и пять вольнослушателей из Петербурга, Москвы, Баку, Тифлиса и других городов. Там Коллонтай познакомилась с Инессой Арманд, любовницей Ленина и подругой Крупской. С Инессой Александре уже после революции предстояло руководить женотделом ЦК партии.

Осенью Вандервельде опять пригласил Коллонтай совершить турне по Бельгии, выступая с лекциями о вовлечении женщин в борьбу за свои права, за интересы пролетариата. В середине ноября она вернулась в Париж. Маслов встретил ее на Северном вокзале.

В середине февраля 1912 года Коллонтай писала Щепкиной-Куперник: «Я уже три недели абсолютно себе не принадлежу – меня нет, есть лишь деловой манекен, который вечно торопится, спешит и так поглощен заботой о затеянном деле, что садится по рассеянности в трамвае на колени к какой-то даме; является в гости, вместо того чтобы повесить пальто на вешалку, идет и вешает пальто в чужой шкаф...»

В 1913 году Александра Коллонтай опубликовала статью «Новая женщина», в которой развивала взгляды на женщину будущего коммунистического общества. Новая женщина, чтобы стать полноправным членом общества, должна руководствоваться следующими принципами:

Победа над эмоциями, выработка самодисциплины.

Отказ от ревности, уважение свободы мужчины.

Требует от мужчины не материального обеспечения, а бережного отношения к своей личности.

Новая женщина – самостоятельная личность, ее интересы не сводятся к дому, семье и любви.

Подчинение разуму любовных переживаний.

Отказ от фетиша «двойной морали» в любовных отношениях. Новая женщина не скрывает своей сексуальности.

Только сама Коллонтай этих принципов часто не могла придерживаться. И ревновала, и ставила любовь выше разума.

Развитию концепции новой женщины Коллонтай посвятила также свою беллетристику, в частности, повесть «Большая любовь». Там любовь молодой незамужней революционерки Наташи и женатого революционера Семена разбивается об устаревшие взгляды Семена, который видит в женщине лишь объект любовных утех. И в финале Наташа все же уходит от любовника-ретрограда и обретает свободу.

Позднее Коллонтай развивала эти идеи в 1923 году в повести «Василиса Малыгина» и рассказе «Любовь трех поколений», героини которых – раскрепощенные женщины, не желающие обременять себя семьей.

Коллонтай относилась к семье скептически, веря, что женщины должны служить интересам класса, а не оставаться обособленной ячейкой общества. В статье «Отношения между полами и классовая мораль» она писала: «Для рабочего класса большая “текучесть”, меньшая закреплённость общения полов, вполне совпадает и даже непосредственно вытекает из основных задач данного класса».

В то же время Коллонтай признавала необходимость любви во взаимоотношениях мужчины и женщины, ибо без любви эти взаимоотношения превращаются в проституцию, скрытую или явную, в отношения купли-продажи.

Борьба за равные права и свободу женщин для нее была неотделима от борьбы за свободную любовь. Свободная любовь для Коллонтай сводилась не столько к праву каждого иметь неограниченное количество любовниц и любовников, сколько как право женщины на эротическую и осознанную любовь. Она утверждала: «“Свободная любовь” наталкивается на два неизбежных препятствия: “любовную импотенцию”, составляющую сущность нашего распыленного индивидуалистического мира, и отсутствие необходимого досуга для истинно душевных переживаний. Современному человеку некогда “любить”. В обществе, основанном на начале конкуренции, при жесточайшей борьбе за существование, при неизбежной погоне либо за простым куском хлеба, либо за наживой или карьерой, не остается места для культа требовательного и хрупкого Эроса... Мужчина опасается отравленных стрел Эроса, большого и истинного любовного захвата, могущего отвлечь его от “главного” в жизни. Между тем свободная любовная связь, при всем комплексе окружающей жизни, требует несравненно большей затраты времени и душевных сил, чем оформленный брак или беглые покупные ласки. Начиная с того, что душевные притязания свободных возлюбленных друг к другу обыкновенно еще выше, чем у легальных супругов, и кончая невероятной затратой времени друг на друга...»

Сама Александра Михайловна, несомненно, страдала от того, что на любовь, на свидания со своими любимыми у нее всегда было слишком мало времени. Ведь основное время у нее уходило на революционную работу: поездки с лекциями, конгрессы, написание книг и статей.

По мнению Коллонтай, «“Любовь-игра” в различных своих проявлениях встречалась на всем протяжении человеческой истории. В общении между древней гетерой и ее “другом”, в “галантной любви” между куртизанкой эпохи Возрождения и ее “покровителем-любовником”, в эротической дружбе между вольной и беззаботной, как птица, гризеткой и ее “товарищем”-студентом нетрудно отыскать основные элементы этого чувства. Это не всепоглощающий Эрос с трагическим лицом, требующий полноты и безраздельности обладания, но и не грубый

сексуализм, исчерпывающийся физиологическим актом... “Игра-любовь” требует большой тонкости душевной, внимательной чуткости и психологической наблюдательности и потому больше, чем “большая любовь”, воспитывает и формирует человеческую душу. “Любовь-игра” гораздо требовательнее. Люди, сошедшиеся исключительно на почве обоюдной симпатии, ждущие друг от друга лишь улыбок жизни, не позволят безнаказанно терзать свои души, не пожелают мириться с небрежным отношением к своей личности, игнорировать свой внутренний мир...

Она была убеждена, что «наше время отличается отсутствием “искусства любви”; люди абсолютно не умеют поддерживать светлые, ясные, окрыленные отношения, не знают всей цены “эротической дружбы”. Любовь – либо трагедия, раздирающая душу, либо пошлый водевиль. Надо вывести человечество из этого тупика, надо выучить людей ясным и необременяющим переживаниям. Только пройдя школу эротической дружбы, сделается психика человека способной воспринять “великую любовь”, очищенную от ее темных сторон... Без любви человечество почувствовало бы себя обокраденным, обделенным, нищим...

Сейчас, чтобы бороться, жить, трудиться и творить, человек должен чувствовать себя “утвержденным”, “признанным”. “Кто себя чувствует любимым, тот себя чувствует и признанным; из этого сознания рождается высшая жизнерадостность”. Но именно это признание своего Я, эта жажда избавления от призрака вечно подкарауливающего нас душевного одиночества не достигается грубым утолением физиологического голода. “Только чувство полной гармонии с любимым существом может утолить эту жажду”. Только “большая любовь” даст полное удовлетворение. Любовный кризис тем острее, чем меньше запас любовной потенции, заложенной в человеческих душах, чем ограниченнее социальные скрепы, чем беднее психика человека переживаниями солидарного свойства.

Поднять эту “любовную потенцию”, воспитать, подготовить психику человека для воспитания “большой любви” – такова задача “эротической дружбы”».

Она ратовала за равноправие полов и была противницей буржуазного брака, противопоставляя ему свободный союз мужчины и женщины.

Пожалуй, идеалом для Александры была такая любовь, когда сексуальная гармония сочетается с глубоким духовным чувством, но чувство это не является обременительным для обоих, и разрыв потом должен происходить гладко и не вызывать длительных душевных страданий. Тут-то и крылось неразрешимое противоречие. Если любовь истинна, глубока и духовна, то гибель любимого человека или разрыв с ним причиняют долгие, неустранимые душевные страдания, которые порой могут привести даже к самоубийству. Примеров тому в истории множество. Страданий нет только тогда, когда связь действительно мимолетна. Коллонтай, несомненно, искренне любила многих из своих любовников, но той настоящей любви, когда отсутствие рядом любимого причиняет мучительные страдания, у нее, как кажется, не было.

В 1911 году она рассталась с Петром из-за другого революционера – Александра Гавриловича Шляпникова. Тот был моложе ее на 13 лет и, в отличие от подавляющего большинства социал-демократов, действительно был пролетарием. С 1898 года он работал рабочим на заводах, сначала в нижегородском Сормове, потом в Петербурге, участвовал в стачках, в 1901 году вступил в РСДРП, состоял во фракции большевиков. Оказавшись в эмиграции, с 1908 по апрель 1914 года он работал на заводах Франции, Германии и Англии. Принадлежность к разным фракциям не помешала его любви к Коллонтай.

26 ноября 1911 года покончили с собой видные марксисты супруги Поль и Лаура Лафарг, для которых невыносимо было наступление старости. Александра часто бывала у них, а до этого много лет с ними переписывалась. Коллонтай выступила с речью на траурном митинге у могилы Лафаргов. Здесь она и познакомилась с Шляпниковым. Ночью он привез ее в пригород, в скромный дом для малоимущих, где снимал убогую комнату. Они сразу же провели

вместе ночь. «Что-то зажглось. Он мне мил, этот веселый, открытый, прямой и волевой парень. Этот “пролетарий из романа”. Мне с ним хорошо...» – признавалась в мемуарах Александра. Они долго бродили по городу, зашли в бистро. Затем поехали к Шляпникову в Аньер, успев на последний поезд. Александре Коллонтай эта ночь запомнилась на всю жизнь. Два с лишним десятилетия спустя она писала: «Ранним утром – поездом, на котором едут ребята на заводы, я из Аньера возвращаюсь в Париж. На лестнице, у дверей пансиона, где я живу, – знакомый силуэт. Бог мой! Петр Павлович! Вид убитый. Захолонуло: “Поймана на месте преступления”. – “Вчера тебя не было допоздна. И ночью... Я был сейчас в твоей комнате. Ты дома не ночевала...” Он прав!.. Но нет! Не хочу лжи. Иду на разрыв! Я не хочу новых пут, а ложь – это всегда новая мука. “Да. Я ночевала у моего нового друга”. Это жестоко. Это не похоже на меня. <...> Это нож, который я вонзила в сердце “самоуверенного”, вчера еще безмерно любимого Петеньки. Бедный, бедный П. П. Он растерялся, он стал маленьким и беспомощным. <...> Он даже не упрекал, он глядел на меня с мукой собаки, которую до смерти избивает рука любимого господина. <...> Кончилось все это слезами и объятиями. Я уверяла, что это всего лишь “вспышка”, что я люблю только его. Он рыдал, целуя меня, мои ноги, руки... Это была пытка, это было нехорошо, потому что я думала в этот момент только об А. Г. Шляпникове, о том, что вечером мы будем с ним снова вместе».

Создается впечатление, что Маслова Коллонтай не столько любила, сколько терпела. Вероятно, он был слишком стар для нее (на пять лет старше; в 1911 году ему было уже 44 года), а она предпочитала молодых любовников.

Они собирались уехать в Берлин, но она еще задержалась в Париже: прибыл муж, Владимир Коллонтай. Он написал, что по служебным делам приезжает в Париж в начале января и очень хочет встретиться с ней «для решения общих вопросов». Они встретились в кафе неподалеку от Сорбонны. Не читая, Шура подписала заготовленные его адвокатом документы о разводе, где всю вину брала на себя, сознавшись в прелюбодеянии.

Ведь по российским законам православный брак мог быть расторгнут в следующих случаях:

Доказанное прелюбодеяние одного из супругов или его неспособность к брачному сожитию.

Судебный приговор в отношении одного из супругов с лишением всех прав состояния.

Безвестное отсутствие одного из супругов.

Обоюдное согласие супругов принять монашество при отсутствии малолетних детей.

В судебном процессе требовались показания двух или трех свидетелей о факте прелюбодеяния, либо письма, доказывающие супружескую измену, либо документы, свидетельствующие о наличии внебрачных детей. У адвокатов, специализирующихся на подобного рода делах, существовали профессиональные свидетели, специализирующиеся на даче необходимых фальшивых показаний. Признание же в супружеской неверности устраняло многие проблемы.

Теперь по российским законам Владимир мог вступить в повторный брак и жениться на любимой женщине, учительнице Марии Ипатьевне Скосаревской, с которой давно жил и которая любила их с Шурой сына Мишу. А вот его бывшая супруга как официальная виновница развода в новый законный брак в Русской православной церкви вступить не могла. Но официальный брак ее никогда не волновал. «В парижском кафе при обсуждении положения в России, – написала позднее Александра в своем дневнике, – мы нашли гораздо больше общего языка, чем в годы нашего молодого, счастливого, по существу, брака».

Из Парижа она сообщила Мише: «Мимулук, папочка тебе расскажет, как хорошо и тепло мы встретились в Париже и как хорошо провели время. О тебе говорили много и дружно на тебя радовались... Знаешь, я ужасно рада, что встретила папочку. Мы так хорошо, так тепло подошли друг к другу. И столько вспомнили далекого, прошлого...»

Теперь Коллонтай официально развелась с мужем. Она писала Зое, что безмерно счастлива с новым другом: «Зюечка, родная, любимая моя, – писала Александра в Петербург своей лучшей подруге из Берлина, – я очень, я безмерно счастлива! Если бы ты только знала, какой замечательный человек стал моим другом! Только теперь я по-настоящему почувствовала себя женщиной. <...> Но главное – это то, что он рабочий. Грамотный пролетарий. Теперь, живя с рабочим, а не с буржуазным интеллигентом, хотя и самых прогрессивных, истинно социал-демократических взглядов, я лучше узнаю и понимаю жизнь, нужды, проблемы рабочих. Он открыл мне на многое глаза, он сделал меня другой. <...>».

Чувствуется, что к Зое Шура была равнодушна как к женщине.

А вот что Зоя написала в ответ: «Дорогая моя деточка, женщина милая, Шурик мой тоненький, ненаглядный. Восхитительная, единственная! Если бы ты знала, как моя душа полна нежностью к тебе!..

Не могу понять, откуда вдруг у тебя столько самоуничижения и непонимания, что же на самом деле ты собой представляешь. Придется мне это тебе объяснить. Ты, Шура, – Александра Коллонтай, а это уже не просто имя и фамилия, это целое понятие, это большое явление <...> ты сама по себе, со СВОИМ лицом. И вот это-то и есть твоя сила, твое преимущество, в том твоя победа, что ты осталась и всегда остаешься собою. <...> Разве ты могла бы иметь всю силу обаяния и свою увлекательность для всех, если бы ты была тоже, до дна, как они? Не тебе открывают глаза, а ты открываешь глаза людям, позволяя им увидеть себя в полный рост. <...> Милая, сходи в театр, быть может, тебе нужно какое-нибудь впечатление или переживание красоты? <...> Целую горячо, горячо родную, любимую. Шлю тебе всю мою нежность».

Маслов продолжал писать Шуре письма, полные любви и готовности все простить, обо всем забыть и «вернуться к исходным позициям». Он надеялся на чудо, которого не произошло. Много лет спустя она написала в дневнике, что, читая эти письма, «страдала за него задним числом. Страдала и переживала <...> мой, уже внутренний, отрыв от него. Ведь я глубоко любила П. П. Но я настрадалась с ним. И я бежала не от него, а от страданий, которые он причинял <...>. И, когда чаша переполнилась, я схватилась за новые переживания и за веселого, смеющегося А.Г.». Петя приехал в Берлин, но эта встреча лишь оформила происшедший разрыв.

Тут лидер шведских левых социал-демократов Цет Хеглунд пригласил Александру принять участие в первомайских торжествах. Плохо было только то, что лекции шведской аудитории пришлось слушать в переводе. Шведского языка на таком уровне, чтобы произносить речь, Коллонтай тогда еще не знала. «Ничего не получается, – вспоминала она. – Не могу зажечь. Если бы говорила по-шведски, загла бы обязательно. А так не выходит...» И принялась за серьезные занятия шведским языком.

Через несколько лет и Шляпников стал ее раздражать и получил отставку. Мужчина, который при всей непритязательности все-таки требовал минимального ухода и внимания, был обузой. Он мешал ей работать, писать статьи и тезисы лекций. Имение давало все меньше денег. Правда, до этого по ее меркам было еще далеко.

После отъезда мужа Александра отправилась в Берлин. «С тобой хоть на край света», – воскликнул Шляпников, услышав о ее решении. «Но только на такой край, где у нас есть общее дело, где мы сможем бороться за интересы рабочих».

Секс Александре Михайловне уже приелся. Она признавалась: «...Меня прямо пугает мысль о физической близости. Старость, что ли? Но мне просто тяжела эта обязанность жены. Я так радуюсь своей постели, одиночеству, покою... Если бы он мог жить тут как товарищ!.. Но не супружество! Это тяжело». Чтобы избавиться от назойливого Шляпникова, Александра решила поехать с сыном Мишей в Америку.

Шляпников предложил отправиться «всей семьей». Коллонтай его одернула: «Я хочу побыть с сыном, я так давно его не видела». Но Шляпников не отступал, купил билет на тот

же рейс, но Коллонтай поменяла свои билеты на более ранний. «Так надо. Когда-нибудь ты поймешь мои материнские чувства. Если хочешь, приезжай. Но потом» – такую записку она написала Шляпникову перед отъездом.

Ранней весной 1913 года Коллонтай и Шляпников на несколько дней поселились вместе в цюрихском отеле Habis Royal. Александр работал над статьей о профсоюзном движении, Шура готовилась к лекциям на любимую тему – о том, как положение матери и жены мешает женщине целиком отдать себя борьбе за победу пролетариата. Долго быть вместе Коллонтай не удавалось ни с одним из мужей или любовников. Партийные дела заставляли много путешествовать по Европе.

Весной 1913 года она писала из Цюриха сыну: «Мой дорогой Хохленьш! Часто думаю о тебе, а писать совсем некогда... Хохлинька! Отчего это в письмах никогда не можешь говорить тепло и хорошо? И хочется с тобою поговорить просто, а как-то пишешь все не о том! Ведь я тебя очень люблю, мой Хохленьш! Очень!!! Успех у меня всюду большой. Ну, целую мордочку моего Хохлиньки!»

15 июня 1913 года Шляпников писал ей из Лондона: «Я не хотел <...> расставаться с тобой потому, что еще очень люблю тебя, и потому, что хочу сохранить в тебе друга. Я не хочу убивать в себе это красивое чувство и не могу видеть и чувствовать, что ты убиваешь теперь эту любовь ко мне только в угоду предвзятой идее “на условии соединить любовь и дело”. Какой же ложью звучат теперь эти слова и что должен думать я! О, какой цинизм! <...> Любящий тебя Санька».

После его отъезда в Париж в Лондон прибыла Коллонтай – писать книгу о проблемах материнства и детства. Для этого надо было поработать в библиотеке Британского музея.

Новый либеральный русский еженедельник «Голос современника», в котором Шадурская начала работать, отправил ее своим специальным корреспондентом в Европу. Но из Брюсселя, где была ее первая остановка, Зоя уже не вернулась.

Германское издательство решило издать на немецком нашумевшую книгу Коллонтай «По рабочей Европе», и тяготевшая к социал-демократам писательница Э. Федери согласилась вместе с автором работать над переводом. Квартирка, которую Коллонтай сняла в Берлине, позволяла ей поселиться вместе с Зоей.

В феврале 1914 года Коллонтай писала сыну из Берлина: «Дорогой мой мальчик, тяжело думается о тебе, о папочке эти дни... Хочу теперь ускорить свой переезд в Россию. Мне кажется, что надо быть ближе к тебе, надо быть там, чтобы помочь тебе вести жизнь. Ведь я знаю, как твое сердце болит за папу и как ты живо воспринимаешь все его неудачи и невзгоды... Хохлинька, дорогой мой! Напиши мне про все дела папины и про все, что знаешь, невольно мучаюсь за всех вас. И так, так больно за папочку! Но верь, что если у него есть враги, то есть и друзья, которые и ценят, и уважают его. И ведь враги-то у папы потому, что кругом старый бюрократический мир с его глубокой порчей. Папина честность и благородство им бельмо на глазу...»

Сын уже вырос, а мать за свою жизнь видел считанные недели. Строго говоря, Коллонтай не находилась в розыске, и формальных причин для возвращения в Россию у нее не было. Но начавшаяся мировая война исключила ее скорое возвращение на родину. Наоборот, незадолго до ее начала Миша приехал к ней. А вскоре после того, как разразилась война, публичные антивоенные выступления и статьи Коллонтай сделали ее в России персоной нон грата.

Первая мировая

После начала Первой мировой войны Коллонтай отошла от меньшевиков и правого крыла европейской социал-демократии, поддержавшего войну. Осуждение империалистического характера войны и желание поражения «своему» правительству сблизило Коллонтай с большевиками, к которым она окончательно присоединилась в 1915 году. За активную антивоенную пропаганду, в частности, за публикацию антивоенной статьи в одном из шведских журналов в ноябре 1914 года, она была арестована шведской полицией, доставлена в крепость Мальме и выслана из страны по личному указу короля Густава V. Поселившись в Копенгагене, Коллонтай наладила тесную связь с Лениным и выполняла его поручения.

Мировая война застала Коллонтай с Мишей в Германии. Они вместе отдыхали в это лето в курортном городке Кольгруб в австрийском Тироле. 31 июля они вернулись в Берлин, а на следующий день, 1 августа, Германия объявила войну России. Их арестовали как российских подданных, но через два дня ее выпустили, так как она была врагом того режима, с которым Германия вступила в войну. С трудом удалось вызволить Мишу, мотивируя это тем, что он не достиг еще призывного возраста и не подлежал интернированию. Помог Карл Либкнехт как депутат рейхстага, убедивший полицейских, что русская социал-демократка не может быть царским шпионом. Они выехали в Данию. Еще из Берлина Шура дала знать Щепкиной-Куперник: «Только что вырвалась из немецкого плена. Пришлось пережить много ужасов и тяжелого. Даже не верю, не верю, что вырвалась...» Перед тем как отправиться на вокзал, Коллонтай записала в дневнике: «Солнечное, но уже осеннее утро. Желтеют мои любимые каштаны под окном. А небо высокое, осенне-чистой синевы <...>. Через два часа поезд увезет нас из Берлина, из Германии. Гляжу из окна. Прощаюсь не только с целой законченной полосой собственной жизни, но с чем-то большим, много большим. Более важным <...>. С отрезком истории, с эпохой, которая отошла навеки в область летописи <...>».

После войны мир будет иным. Каким?.. Глаза мои отрываются от прошлого без слез. Гляжу вперед. В будущее...»

Тогда же она написала Зое, признаваясь, что датская столица ее совсем не радует: «Как странно, мы оба попали сейчас в города, которые больше всего не любим: ты – в Париж, я – в Копенгаген. <...> Я не люблю Копенгаген, его мокрую, нудную, тоскливую погоду, гаденькие, грязненькие дешевые пансионы <...>». Однако отсюда ей удалось отправить сына пароходом в Россию и установить письменный контакт с Лениным. Мысль о расколе русской демократии в такой критический момент угнетала ее. Она все еще призывала Ленина к объединению, но «пролетарский вождь» оставался верен себе.

А Ленин писал Коллонтай в середине декабря 1914 года: «Бесполезно выставлять добренькую программу благочестивых пожеланий о мире, если не выставлять в то же время и на первом месте проповедь нелегальной организации и гражданской войны пролетариата против буржуазии... Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза».

Шура отправила сына в Россию, а сама уехала в Швецию, где был в то время Шляпников. Но когда он был рядом, то быстро надоедал, зато, когда его не было, Александра чувствовала себя тоскливо и одиноко. Даже очень скромный стокгольмский Hotel de Poste, в котором она сначала остановилась, оказался теперь не по карману. Денежные переводы из России перестали поступать, что вынудило ее перейти в более дешевый пансион «Карлссон». Приходилось зарабатывать на жизнь литературным трудом.

В одной из статей, опубликованных в Швеции, она писала, объясняя, почему правительства воюющих стран удается вести за собой массы: «Национальные чувства, которые искусственно подогреваются капиталистами <...> во всех странах мира при помощи церкви и печати, а также проповедуются в школах, в семье и в обществе, имеют, по-видимому, более глубокие корни среди народа, чем представляли себе интернационалисты. <...> Получается, что правительства буржуазных государств лучше знали психологию народа, чем сами представители демократических и рабочих масс».

Но из Швеции в ноябре 1914 года ее выслали за революционную агитацию без права возвращения когда-либо. «Вломились утром, в восемь часов, – записала она в дневнике про свой неожиданный арест. – Формально за статьи, за выступления на собраниях и за то, что у меня с утра до вечера толкался народ – русские и шведы. Обвиняюсь в нарушении шведского нейтралитета и злоупотреблении гостеприимством <...>». Ее хотели выслать в Финляндию, то есть фактически в Россию, прямо в объятия полиции, но после протеста влиятельных шведских друзей отправили обратно в Копенгаген.

28 ноября Коллонтай писала Ленину: «Мой арест и высылка вызваны были формально статьей о войне и наших задачах в антимилитаристском шведском журнале, но, кажется, настоящим поводом послужила моя речь на эту же тему на закрытом партийном шведском собрании. Говорила я в понедельник, а в пятницу меня уже арестовали, таскали по тюрьмам (Стокгольм, Мальмё) и препроводили с полицией в Копенгаген...

Консервативная шведская пресса использовала этот инцидент, чтобы поднять травлю на шведских товарищей, особенно на Брантинга... Пишут, что Брантинг запятнал себя дружбой с русской “нигилисткой”, ведущей антимилитаристскую пропаганду в ту минуту, когда Швеция должна быть “сильна”».

Коллонтай выгнали из Швеции навсегда, не подозревая, что через шестнадцать лет она вернется в Стокгольм с триумфом.

Из Копенгагена Александра написала сыну:

«Михенька, милый!

Копенгаген мне совсем не нравится. Теперь он еще грязнее, чем летом, а хороших пансионов совсем нет. С радостью уехала бы в Англию, да пугает дорога – 7 дней ехать. Не нравится мне здесь и то, что люди какие-то сухие, холодные...»

Пока же в Дании было невесело. «Все время ворчала в Стокгольме, – самокритично записала она в дневнике, – что Шляпников мешает работать. Теперь жизнь наказала. Никто не мешает. Никому нет дела до меня. А не работается». Вызвала Шляпникова из Стокгольма, и он с радостью приехал. Александра записала в дневнике: «С А. отношения лучше, чем были раньше. Теплее. Пожалуй, ближе. Я ему много помогаю в его работе... Из него может выйти лидер, подлинный лидер. Ведь все данные есть».

Вдвоем, с Шляпниковым за бутылкой дешевого вина встретили Новый 1915 год, и Александр уехал в Стокгольм. «Я сейчас, как школьница, оставшаяся без гувернантки, – призналась Александра в дневнике сразу же после отъезда Шляпникова. – Одна! Это такое наслаждение!... <...> Мне казалось, я просто не вынесу этой жизни вдвоем. Приспособилась, однако. Подкупила его ласка (всегда одно и то же! Всегда на это попадаешься!). Потом появились тысячи нитей. Ах, я даже люблю его, совсем нежно люблю. Но до чего, до чего я была бы счастлива, если б он встретил милое, юное существо, ему подходящее. <...> Только после отъезда А. я начала по-настоящему работать».

По предложению руководителей норвежских социалистов Александра переехала в Норвегию. Пришлось добираться паромом до Мальмё, где в начале февраля 1915 года она высадилась на запретный шведский берег. Там ее ждал предупрежденный заранее Шляпников. Он довез Александру в поезде до Гетеборга и вернулся в Стокгольм, а Коллонтай отправилась в Христианию (нынешнее Осло). Там ее встретили норвежские друзья.

Эрика Ротхейм, норвежская певица, с которой они познакомились в Германии, нашла для Александры маленький, тихий «Турист-отель» в горах над Христианией, в курортном поселке Хольменколлен, в получасе езды на электричке от норвежской столицы. Правда, от станции до него надо было еще идти двадцать минут пешком. В дневнике Коллонтай писала: «Наш домишко – красная избушка, но внутри электричество, центральное отопление, телефон. Чистота идеальная. В воскресенье приезжает молодежь гулять, кататься, прыгать на лыжах. <...> Снег, сосны, ели, запущенные снегом, внизу Христиания и фиорды. <...> Странное чувство удивительного покоя и в то же время неловкости за то, что в это ужасное, кошмарное, кровавое время попала в это зачарованное царство гармонии и красоты. <...> Взрослые и дети катаются на санках, слышен перезвон бубенчиков – Россия...»

Эрика Ротхейм имела поблизости небольшой домик. Шура забежала к ней на чай, но беседы затягивались до вечера, «чай» плавно перетекал в ужин... После одного из таких визитов, когда в беседе участвовали еще две дамы, Коллонтай раздраженно записала в дневнике: «Разговор ни о чем. Скука. <...> Что делают эти люди, когда нас, гостей, нет? Муж на службе, дети в школе, а жена? Меня еще девочкой пугала эта неотвратимая скука в благополучном семейном доме. <...> Вчера, смотря на Эрику Ротхейм, я поняла, что она от опостылевшего семейного повседневья часто удирает за границу и что там у нее всякие переживания: надо заполнить пустоту жизни». И сразу беспощадный вывод: «Я устала сближаться с людьми, приспособляться к новой обстановке, сживаться. Я устала вбирать жизнь. <...> А жизнь все суровее, требовательнее, неумолимее...»

Мещанское благополучие не затронутой войной Скандинавии Александре претило.

Она записала в дневнике: «...На днях приедет Саня. А у меня двойится желание, двойится настроение. Одной все-таки тяжело, без близких. Но когда я желаю присутствия Сани, то всегда себе представляю кого-то близкого, родного, кто обо мне ласково подумает. Стоит же представить себе всю действительность, и руки опускаются. Опять начнется: “Сделай это! Найди то! Напиши для меня и т. д.”. И потом, меня прямо пугает мысль о физической близости. Старость, что ли? Но мне просто тяжела эта обязанность жены. Я так радуюсь своей постели, одиночеству, покою. Если бы еще эти объятия являлись завершением гаммы сердечных переживаний. <...> Но у нас это теперь чисто супружеское, холодное, деловое. <...> Так заканчивается день. И что досадно: мне кажется, будто Санька часто и сам вовсе не в настроении, но считает, что так надо.

Если б он мог жить тут как товарищ! Как веселый товарищ он мне мил, я люблю с ним говорить, даже приласкать его, он же милый мальчик. Но не супружество! Это тяжело».

Шляпников вновь приехал 8 марта 1915 года, и этот приезд Александру не обрадовал, но скорее раздосадовал. Накануне она получила известие, которое едва не сразило ее. Александр Саткевич сообщил, что скоро женится, и просил поздравить его с законным браком. По этому поводу появилась возмущенная запись в дневнике Коллонтай: «И с кем?! С очень, очень обыденной “дамочкой”, безличной и типично буржуазной. <...> Я понимаю прекрасно всю психологию Дяденьки и рада за него, потому что сейчас это то, что ему нужно. И потому, что она даст ему все свое тепло, заботу. А он, бедный, в этом очень нуждается. У меня даже теперь какое-то чувство успокоения за него, но, когда я читала письмо, сидя у Ротхейм (я его там получила), мне казалось, что я читаю письмо с извещением о смерти близкого человека. Эта свадьба – крест на нашу долготлетнюю, особенную близость-дружбу. Ровно двадцать лет знакомства, дружбы, понимания. <...> Сколько пережито! Двадцать лет? Мне кажется, много, много больше. Мне кажется, у меня всегда была Дядина дружба, его забота, его исключительная привязанность. Великая, незаменимая ценность! Опора, последняя опора в жизни! Казалось, без нее вообще не прожить. Сколько раз в самые тяжелые минуты жизни борьба, сознание, что где-то есть человек, для которого я самое дорогое в жизни, давали силы и вносили утешение. Мысль, что всегда можно позвать Дяденьку, давала иллюзию, что я не одна, и помо-

гала нести жизнь... Я знала <...> что где-то есть человек, к которому я всегда могу обратиться и за большим, и за малым, который сделает для меня все, что сможет, и сделает с радостью...

Провела бессонную ночь. <...> Так сиротливо! Если б я чего хотела сейчас, так это одного: присутствия Дяденьки. Выплакаться на его плече, на все, на все пожаловаться <...> Теперь я для него почти чужая. А сколько лет и сколько мук нас связывало. И сколько тепла и добра я от него видела! Это единственный человек, который меня не только любил по-настоящему, по-большому, по-человечески, но и знал, и понимал».

Непонятно, на что Александра надеялась, много лет держа на расстоянии своего старого преданного любовника. Александр Александрович терпеливо ждал, что когда-нибудь она к нему вернется, дабы вместе обустроить семейный очаг, пусть даже не в законном браке. Но Александре Михайловне семейный очаг был не нужен, он ее пугал, так как неизбежно ограничил бы ее свободу.

Периодически наезжавший Шляпников все больше тяготил ее. Сказывались и долгая разлука с Россией, и бездеятельность. У нее началась депрессия, она писала о своем одиночестве и ненужности.

Шляпников уехал выполнять очередное ленинское задание в Лондон. Там нашелся издатель, готовый издать сочинения вождя большевиков. Вместе со Шляпниковым поехала еще одна русская эмигрантка – юная Лида, «из эсеров», как писала о ней Коллонтай, «чистая и милая девушка, но узкая, не чувствует, что совершается сейчас». Ревности Александра как будто не испытывала. В дневнике она отметила: «Проводила Александра – и отдыхаю. Он пробыл здесь один месяц и три дня, а кажется, был год. До чего устала вся! Как всегда, при нем ничего не наработала, запустила даже свои одежды и сижу без денег. Сижу без сапог и даже без белья – все рвется и рвется. <...> Мы живем на то, что зарабатываю я одна. Когда я одна, могу помогать еще и товарищам, и партию поддерживать, а с Александром ничего не остается».

В книге «Общество и материнство» Коллонтай утверждала: «Свободное материнство, право быть матерью – все это золотые слова, и какое женское сердце не задрожит в ответ на это естественное требование? Но при существующих условиях “свободное материнство” является тем жестоким правом, которое не только не освобождает личности женщины, но служит для нее источником бесконечного позора, унижений, зависимости, причиной преступлений и гибели...

Что же удивительного, если страх последствий заставляет рабочих быть осмотрительнее при общении влюбленных и все чаще и чаще прибегать к практике неомальтузианства?»

Сама она после рождения единственного сына больше детей не хотела и делала все, чтобы их не было.

В дневнике Коллонтай записала, как пришла к ней поплакаться «маленькая женщина, жена часовщика»: любит другого, хочет и боится иметь от него ребенка, пока не ушла от мужа. Другая – «с мужем не венчана, но разве есть разница по существу? У них “свободная любовь”, но какая же это любовь? Она ненавидит его “аппетиты”, ей это скучно, особенно по утрам она ненавидит это удовольствие. У нее хозяйство, скромное, но берущее время, силы. <...> Зачем ей ребенок от такой любви?»

Даже став большевичкой, Коллонтай по-прежнему активно сотрудничала с меньшевистской парижской газетой «Наше слово», оправдываясь перед Лениным необходимостью донести «революционные идеи» до бойцов русских бригад во Франции и русских волонтеров французской армии, которые читали эту газету. А в большевистской «Правде» она тогда еще не публиковалась.

С датировкой «май 1915» в дневнике Коллонтай появилась такая неожиданная запись: «Вместе с меньшевиками я хотела строить, но сейчас время разрушать. Дорогу большевикам! Дорогу левым! Какие уж там “реформы”, строительство и т. п. Еще надо воевать и воевать. Не строить, а разрушать приходится. Война открыла нам глаза, отрезвила нас. Я испытываю

чувство громадного облегчения и радости, когда слышу от левых, от большевиков-интернационалистов, настоящий, старый, забытый революционный язык. Язык “чистого социализма” с его непримиримостью! Надо вверх, вверх от земли. К идеалам!»

Александра прониклась идеей, что, прежде чем построить новый мир, старый надо разрушить до основания. И активно способствовала одному из институтов этого мира – «буржуазной» семьи.

И еще Александра записала: «17 мая 1915 года (4 мая по русскому стилю). 26 лет назад в этот день я пережила первое горе. В этот день застрелился Ваня Драгомиров... Не верю, что даже Мишулечке я дорога. Вот не верю! Может быть, потому, что я не чувствую своей “нужности” ему. Опять ночью мучила мысль: вот я вся ушла в работу, в свои интересы, я старалась “выковывать” себя, не боялась переживаний, не боялась тратить силы. Казалось, надо, надо из себя сделать человека, чтобы принести пользу делу нашему. И ради этого не сделала и не делаю того, что могла бы для Миши. Когда шел конфликт: дело или Миша, я никогда не колебалась – только дело! Но хочется одного: чувствовать себя НУЖНОЙ, полезной, необходимой. <...> Если я делу не нужна, Мише не нужна, тогда зачем же я живу?

Думала ли я, что буду так одинока? А ведь до этого вера в прочность наших отношений с А.А., нашей особенной дружбы жила так же крепко, как и 17 лет назад. Только 17–18 лет назад переживала я ту первую драму – поворотный пункт моей жизни. Только 18 лет назад? Я бы поверила, если бы мне сказали, что прошло 40–50 лет. Так все это далеко, так не похоже на то, что окружает. И жизнь другая, и интересы другие, и сама я другая».

В мае 1915 года Ленин писал Коллонтай: «Ваши статьи в “Нашем Слове” и для “Коммуниста” о скандинавских делах вызвали во мне такой вопрос: можно ли хвалить и находить правильной позицию левых скандинавских социал-демократов, отрицающих вооружение народа? Я об этом спорил с Хеглундом в 1910 году и доказывал ему, что это не левизна, не революционность, а просто филистерство захолустных мещан. Забрались эти скандинавские мещане в своих маленьких государствах чуть не к Северному полюсу и гордятся тем, что до них 3 года скачи, не доскачешь! Как можно допустить, чтобы революционный класс накануне социальной революции был против вооружения народа? Это не борьба с милитаризмом, а трусливое стремление уйти в сторонку от великих вопросов капиталистического мира. Как можно “признавать” классовую борьбу, не понимая неизбежности ее превращения в известные моменты в гражданскую войну?

В. И. Ленин

Мне кажется, надо бы собрать материал об этом и выступить решительно против в “Коммунисте”, а для поучения скандинавов Вы бы потом напечатали это по-шведски и т. д.

Хотелось бы знать об этом поподробнее Ваше мнение.

Bruce Giasier, по-моему, негодный сотрудник: у него хотя и есть пролетарская жилка, но он все же невыносимый оппортунист. Едва ли с ним можно идти вместе: заплачет через два дня и скажет, что его “вовлекли”, что он ничего подобного не желает и не признает.

Видели книгу Давида и его отзыв о нашем манифесте? Нет ли в скандинавских странах материала о борьбе 2 течений по вопросу об отношении к войне? Нельзя ли бы собрать точ-

ный материал (отзывы, оценки, резолюции) с точным сопоставлением фактов относительно тенденции обоих течений? Подтверждают ли факты (по-моему, да), что оппортунисты – взятые, как течение, – в общем, больше шовинисты, чем революционные социал-демократы? Как Вы думаете, нельзя ли бы для “Коммуниста” собрать и разработать такой материал?»

А в письме от 26 июля 1915 года Ленин писал: «Если слова о классовой борьбе не фраза в либеральном духе (каковою она стала у оппортунистов, Каутского и Плеханова), то как можно возражать против факта истории – превращения сей борьбы, при известных условиях, в гражданскую войну? Как может далее угнетенный класс вообще быть против вооружения народа?

Отрицать это – значит впасть в полуанархистское отношение к империализму: это, по-моему, наблюдается у некоторых левых даже у нас. Если-де империализм, то не нужно ни самоопределения наций, ни вооружения народа! Это вопиющая неверность.

Именно для социалистической революции против империализма нужно и то, и другое.

“Осуществимо” ли? Критерий такой неверен. Без революции вся почти программа-*minimum* неосуществима. Осуществимость в такой постановке сообразится на мещанство.

Мне кажется, этот вопрос (как и все вопросы социал-демократической тактики теперь) можно ставить только в связи с оценкой (и учетом) оппортунизма. И ясно, что “разоружение”, как лозунг тактики, есть оппортунизм. Захолустный притом, воняет маленьким государством, отстраненностью от борьбы, убожеством взгляда: “моя хата с краю”...

Посылаем проект (индивидуальный) декларации международных левых. Очень просим перевести и сообщить левым Швеции и Норвегии, дабы деловым образом двинуть *Verständigung* (сговор. – *нем.*) с ними. Шлите Ваши замечания, *resp.* контрпроект и добейтесь того же от левых Скандинавии.

Beste Grüsse! (наилучшие пожелания. – *нем.*). Ваш Ленин».

Еще в одном письме Александре, тоже в июле 1915 года, Ленин повторил схожую мысль: «Дорогой товарищ! Вопрос о конференции “левых” двигается. Была уже 1-я *Vorkonferenz* (предварительная конференция. – *нем.*) и на носу 2-я, решающая. Крайне важно привлечь левых шведов (Хёглунда) и норвежцев.

Будьте добры черкнуть (1), солидарны ли мы с Вами (или Вы с ЦК), если нет, то в чем, и (2) возьметесь ли привлекать “левых” скандинавов.

Ad 1. Нашу позицию Вы знаете из “Социал-Демократа”. В русских делах мы не будем за единство с фракцией Чхеидзе (чего хочет и Троцкий и ОК и Плеханов с К^о: см. “Войну”), ибо это есть прикрытие и защита “Нашего Дела”. В интернациональных делах мы не будем за сближение с *Naase-Bernstein-Kautsky* (ибо они на деле хотят единства с Зюдекумами и прикрытия их, хотят отделаться левыми фразами и ничего не изменить в старой гнилой партии). Мы не можем стоять за лозунг мира, ибо считаем его архипутаным, пацифистским, мещанским, помогающим правительствам (они хотят теперь одной рукой быть “за мир”, чтобы выпутаться) и тормозящим революционную борьбу.

По-нашему, левые должны выступить с общей идейной декларацией (1) с обязательным осуждением социал-шовинистов и оппортунистов; (2) с программой революционных действий (сказать ли: гражданская война или революционные массовые действия – не так уже важно) – (3) против лозунга “защиты отечества” и т. д. Идейная декларация “левых” от имени нескольких стран имела бы гигантское значение (конечно, не в духе цеткинской пошлости, проведенной ею на женской конференции в Берне: Цеткин обошла вопрос об осуждении социал-шовинизма!! из желания “мира” с Зюдекумами + *Kautsky*??).

Если не согласны с этой тактикой, черкните тотчас 2 слова.

Если согласны, возьмитесь перевести (1) манифест ЦК (№ 33 “Социал-Демократа”) и (2) бернские резолюции (№ 40 “Социал-Демократа”) на шведский и норвежский и снести с Хёглундом, – согласны ли они на такой базе (из-за частных, понятно, мы не разойдемся) готовить общую декларацию (или резолюцию). Спешить с этим надо сугубо.

Итак, жду ответа.
Всяческие приветы.
Ваш Ленин».

Получив это письмо, Коллонтай записала в дневнике: «Мне больно вообще за всех, до отвращения, до гадости, до злобы больно – хочется возненавидеть человечество, чтобы не было так больно. Ведь подлое, а главное, глупое оно. Какое глупое!»

В начале августа поступило очередное ленинское письмо: «Дорогая А. М.! Очень рады мы были заявлению норвежцев и Вашим заботам о шведах. Дьявольски важно было бы совместное интернациональное выступление левых марксистов! (Принципиальное заявление – главное и пока единственно возможное.) Роланд-Гольст, как и Раковский (видали его французскую брошюру?), как и Троцкий, по-моему, все вреднейшие “каутскианцы” в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма.

Ваша критика проекта декларации, по-моему, не показывает (если я не ошибаюсь) серьезных расхождений между нами. Я считаю ошибочным теоретически и вредным практически не различать типов войн. Мы не можем быть против национально-освободительных войн. Вы берете пример Сербии. Но, будь сербы одни против Австрии, разве мы не были бы за сербов?

Гвоздь дела теперь – борьба между великими державами за передел колоний и подчинение мелких держав.

Война Индии, Персии, Китая и т. п. с Англией или Россией? Разве мы не были бы за Индию против Англии etc.? Называть это “гражданской войной” неточно; явная натяжка. Крайне вредно растягивать понятие гражданской войны до чрезмерности, ибо это затушевывает гвоздь дела: войну наемных рабочих против капиталистов данного государства.

Именно скандинавы, видимо, впадают в мешанский (и захолустный, *kleinstaatlich* (мелкогосударственный. – *нем.*)) пацифизм, отрицая “войну” вообще. Это не по-марксистски. С этим надо бороться, как и с их отрицанием милиции.

Еще раз привет и поздравление за норвежскую декларацию!
Ваш Ленин».

Но Коллонтай в тот момент была ближе позиция Бухарина. Она писала в дневнике: «Бухарин мне пишет: “Ленин уперся в стенку самоопределения наций. Он в плену этой идеи”. Бухарин прав. Если стоять за самоопределение наций, тогда логически надо стоять и за “защиту отечества”. И тогда начинается “сказка о белом бычке”. Неужели Ленин будет стоять за этот лозунг? <...> Наш лозунг сейчас должен быть: долой самоопределение наций!.. <...> Ненавижу шовинизм, национализм и не верю, что пролетариату надо бороться за национальное самоопределение. На что это ему?»

Но как личность Ленин все больше привлекал ее. Тут же она писала: «Меня тянет “влево”, и потому сейчас голос Ленина мне понятнее и ближе. <...> Хочу узнать поближе <...> Лениных. Меня лично к ним обоим тянет... Взволновало раздраженное письмо Ленина и его листовка, посвященная “национальному самоопределению”. Он за самоопределение наций. И как-то упорно, именно упорно <...> проводит свой взгляд. Но быть последовательным приверженцем теории самоопределения наций не значит ли дойти до защиты отечества, до милиции? <...> В лозунгах Ленина много ошибок. А. полностью со мной согласен».

Любовь же в тот момент как-то отошла на второй план. Александра подумала, что любовь только отвлекает ее от революции. «Все думаю о том, – записывала Коллонтай в шведском дневнике, – сколько сил, энергии, нервов ушло на “любовь”. Нужно ли это было? Помогло ли в самом деле выявить себя, найти свой путь? Чувствую себя эти дни ужасно “древней”, <...> точно и в самом деле жизнь позади. Или <...> именно в этом году перевалила гору жизни и начинаю медленно, медленно спускаться по тому незнакомому уклону горы, где ждут незнако-

мые горести, печали, препятствия и житейские трудности. Быть может, и радости, но другие, не те, что были.

Любовь! Сколько ее было! Заняла полжизни, заполнила душу, полонила сердце, ум, мысли, требовала затраты сил. <...> Зачем? Что дала? Что искала в ней? Конечно, были и трудные минуты. На нее все же ушло слишком много творческих сил. В области любовных переживаний все испытала. Какие разные были положения и на каком различном фоне! Крым, Кавказ, Париж, Лондон, швейцарские вершины. <...> Конгрессы... Пестрая жизнь. Красочный дом! А итог?»

Ее денежные дела шли все хуже и хуже. Платных лекций не было, а за статьи теперь платили гроши. И вдруг германская левая секция американской социалистической партии пригласила ее в многомесячное лекционное турне по Соединенным Штатам. Александра надеялась на весьма приличные гонорары. Но просчиталась.

Да еще Ленин поручил ей перевести его книгу и попытаться издать в Штатах, чтобы «найти доступ к широким американским массам». Он написал 23 августа 1915 года Шляпникову в Стокгольм в постскриптуме: согласится ли А. Коллонтай помочь нам устроить в Америке английское издание нашей брошюры? Речь шла о ленинской брошюре «Социализм и война». Коллонтай согласилась.

В середине сентября Ленин писал ей: «Дорогая Александра Михайловна! Очень будет жаль, если Ваша поездка в Америку окончательно расстроится. Мы строили на этой поездке немало надежд и на издание в Америке нашей брошюры (“Социализм и война”; получите на днях), и на связи с издателем Charles Kerr в Чикаго вообще, и на сплочение интернационалистов, и, наконец, на финансовую помощь, которая так чрезвычайно нужна нам для всех тех насущных дел в России, о которых Вы пишете (и справедливо подчеркиваете их насущность в связи с желательностью большей близости нашей к России: препятствия тому в первую голову финансовые, во-вторых, полицейские: можно ли доехать безопасно...).

Пишите детальнее, конкретнее и чаще (если не едете в Америку) о том, каковы именно конкретные вопросы vyplывают в России, кто их ставит, как, в каких случаях, при какой обстановке. Все это было бы крайне важно для издания листовок – дела насущного, Вы правы. О конференции левых 167 (где мы сплотились хорошо в оппозицию, хотя и подписали манифест) Вам частью расскажет посланный Вами делегат 168, частью мы еще напишем. (Денег нет, денег нет!! Главная беда в этом!)

Лучшие приветы! Ваш Ленин.

Если вопрос о поездке решился у Вас окончательно в отрицательном смысле, то постарайтесь обдумать, нельзя ли Вам (через сношения с Charles Kerr и т. п.) помочь нам издать по-английски нашу брошюру? Возможно это только в Америке. Немецкое издание нашей брошюры Вам посылаем. Сделайте все возможное для продажи в скандинавских странах (нам чертовски важно вернуть хоть часть расходов на нее, ибо иначе мы не можем издать ее по-французски!)».

К счастью для Александры Михайловны, поездка в США все-таки состоялась. За две недели морского путешествия в четырехместной каюте второго класса она сделала перевод ленинской брошюры. В дневнике записала: «Ненавижу этих сытых, праздных, самовлюбленных пассажиров первого класса! Таких чужих по духу! Ненавижу эту бестолковую, праздную жизнь, убивание времени на еду, пустую болтовню, какие-то маскарады, концерты». После революции ненависть к «сытым» довольно быстро прошла, и, когда появились такие возможности во время дипломатической работы, Александра ни в чем себе не отказывала.

В Америке ее удалось издать. В январе 1916 года Шура писала Щепкиной-Куперник из Нью-Йорка: «Знаешь, мне кажется, мы живем в эпоху, напоминающую... переход от Средних к новым векам. Это перелом человеческой истории, сдвиг. Что-то новое создается, растет и

крепнет в мире. История скажет: люди в эпоху Великой войны жили и не понимали, что они накануне всемирного исторического сдвига, что они вступают в новую историческую эру...»

Все сборы шли в пользу немецких социалистов-эмигрантов, гонорары за лекцию не получались, лишь суточные и гостинные. Лекции имели бешеный успех. Она объехала 123 города, и в каждом прочитала по лекции, а то и по две. «Коллонтай покорила Америку», – писала социалистическая газета «Новый мир». В Америке Коллонтай пробыла четыре с половиной месяца. В феврале 1916 года с борта парохода «Бергенсфюрд» она писала сыну: «Мой милый, родной Хохленьш!.. Мне устроили грандиозный прощальный ужин, с речами, музыкой. В газетах было много теплых строк по поводу моего отъезда. Чувствуется, что мною и моей работой остались довольны. Но и работала же я здорово. Я подсчитала: прочла сто двадцать три лекции за четыре с половиной месяца! Это рекорд! На некоторых лекциях бывало по две с половиной тысячи человек...»

«Известная социал-демократка Александра Коллонтай, – сообщал из Парижа в Петербург статский советник Кравильников, цитируя информацию своей американской агентуры, – утверждала в своих речах, что пролетариат во всех странах обманут и одурачен господствующими классами, затеявшими войну в своих хищных интересах. <...> Интересы международной солидарности в борьбе с международным врагом – капиталом, утверждала она, должны стоять выше интересов отечества, которого у рабочих нет и не будет. <...> Лекции Коллонтай вызвали самый живой интерес у американской публики, среди которой преобладали русские и евреи».

Лекции были на следующие темы: ««Мировая война и будущее Социалистического интернационала», «Война и будущее рабочего движения», «О положении в Европе», «Кому нужна война?».

Коллонтай устроила Мишу через своих знакомых на военные заводы США, что освободило его от призыва в действующую армию. Мать решила поехать вместе с сыном. Шляпников хотел присоединиться – она не позволила ему. Это был фактический разрыв.

Тем временем Шляпников на лыжах пересек фактически неохраняемую границу, отделявшую Великое княжество Финляндия от России, добрался до Петрограда и оттуда посетил еще ряд городов.

По возвращении они с Коллонтай встретились в Хольменколлене. В дневнике Александра так передала рассказ Шляпникова о поездке: «Боюсь, что он не сумел извлечь максимума пользы из своей поездки в Россию. <...> Охотно рассказывает, как за ним гонялись сыщики, а о деле?! Он видел и <...> Горького, но не сумел использовать свидания с ним, чтобы почерпнуть от него ясного ответа на злободневные вопросы и связать его на будущее время. <...> Обрадовало только, что Горький не патриот...»

Мне кажется, Александр превратил в самоцель свою поездку, укрывательство от шпиков и т. д. <...> Моя вина, что он слишком скоро взобрался туда, куда он не должен был лезть. Партийное положение – представитель ЦК, – все это далось слишком просто, легко, без усилий. И он уже готов почить на лаврах.

Боюсь, что и Ленин поймет, что была ошибка послать Александра. Будь я в ЦК, меня бы не удовлетворили доклады Ал. Такая затрата денег!..

“С чего это ЧУХОТА расходилась? Чем я ей неугоден? Где мне было писать отчеты, когда я все время ехал и бежал?” Кончилось тем, что, движимый сознанием взяться за дело, он стал диктовать мне письма к разным лицам (на английском и немецком языках). И вместо того, чтобы его “заставить работать”, я попала в роль секретаря. Всегда так!»

Маслов давно уже не отвечал на письма Шуры. Это вдохновляло Шляпникова. «И не напишет! – заносила Коллонтай в дневник его слова. – Твой Маслов дрянью стал. Патриот». Зачем А. так говорит? Мне больно. <...> Маслик, Маслик, мой милый П. П. Где он? Получил ли мое письмо?»

Шура признавалась: «Саня для меня не просто Саня, а нечто собирательное. Кусочек пролетариата, олицетворение его. Ну как, как его обидишь? Это главное. Но будто есть и другое. Мне жутко потерять в Сане последнюю связь с той страницей жизни, которая говорит о том, что я все еще женщина. Не самка, а именно женщина. <...> Женщина, которую любит, все еще любит мужчина. Мне не надо физиологии сейчас...»

И тут же отметила: «Была у доктора. Успокоил совершенно. Ни о какой беременности и речи быть не может. Вошла в “критический период”? Уже? Значит, перевал? Нет, не чувствую старости и как-то еще не верю в нее». Позднее выяснилось, что «критический период» еще не наступил.

Следующая запись в дневнике касалась Шляпникова: «То, что я сейчас переживаю, не поддается пока передаче. <...> Слишком это было бы чудовищно, но и жутко. Минутами мне кажется, что я все это сама выдумала, преувеличиваю, что это моя “боязнь”, моя “мнительность”. Но потом, точно смеясь надо мною, жизнь даст почувствовать этот или другие “симптомы”. Мука, женская мука, которой нет слов, нет названия. Ужас, ужас, ужас!..»

Тем временем к матери приехал Миша. Он окончил несколько курсов технологического института и опасался призыва в армию. Получив его паническое письмо, Александра связалась по почте со своим старым другом, военным инженером Сапожниковым, и тот устроил Мише поездку на военные заводы США в качестве приемщика русских заказов. Он отправился в США через Норвегию в августе 1916 года. Коллонтай решила ехать вместе с сыном. Шляпников, вернувшийся из очередной поездки в Швецию, предложил поехать всем вместе. Она пыталась объяснить любовнику, что хочет побыть с сыном вдвоем. Тот не отставал. Втайне от Коллонтай Шляпников написал Ленину, что собирается вместе с ней в Америку, и тот дал ему ряд поручений. Александр Гаврилович заявил, что едет в Америку самостоятельно, независимо от них с Мишей, но на том же самом пароходе.

Но Александра воспользовалась тем, что, поскольку до отъезда оставалось еще две недели, Шляпников уехал в Швецию завершать свои дела по отправке в Россию нелегальной литературы, и взяла билеты на более ранний рейс. Вернувшись, Шляпников нашел письмо, которое она оставила в отеле: «Так надо. <...> Когда-нибудь ты поймешь мои материнские чувства. <...> Если хочешь, приезжай. Но потом...» На самом деле это был разрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.